

The background of the cover is a dramatic, expressive painting of a bullfight. A black bull with white horns is on the left, facing right. A matador with long black hair in a ponytail, wearing a yellow and gold patterned jacket and black pants, is on the right, facing the bull. The scene is filled with vibrant red and yellow brushstrokes, suggesting the movement of the cape and the intensity of the fight. In the top left corner, there is a small inset showing a crowd of spectators.

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Седьмая
ЖЕРТВА

Каменская

Александра Маринина

Седьмая жертва

«Автор»

1999

Маринина А.

Седьмая жертва / А. Маринина — «Автор», 1999 — (Каменская)

Ни сотрудник уголовного розыска Настя Каменская, ни следователь Татьяна Образцова не могли предполагать, что их согласие участвовать в телемосте «Женщины необычной профессии» приведет к трагедии. После прямого эфира один за другим начинают гибнуть одинокие малообеспеченные люди, а рядом с трупами таинственный убийца оставляет послания, которые не удастся ни понять, ни расшифровать. Кому адресованы эти послания, Насте или Татьяне? И кто будет следующей жертвой?

© Маринина А., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Детектив с привидениями	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александра Маринина

Седьмая жертва

© Маринина А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Детектив с привидениями

Смена числа 19 на 20 в начале номера года вызвала в мире необычайный всплеск интереса к оккультизму, магии, колдовству, парапсихологии и прочим «зеленым человечкам». С недавнего времени все со дня на день ждут Конца Света, видя признаки его несомненного приближения то в комете Галлея, то в землетрясении в Турции, и бегут к экстрасенсам, магам, астрологам и специалистам по НЛЮ за авторитетным мнением. Впрочем, то же самое творилось и сто лет назад – только тогда еще не было «зеленых человечков», и люди беседовали с духами, безмерно увлекаясь спиритизмом.

Литература же очень чутко реагирует на умонастроения в обществе – собственно, идет у них на поводу. Массовая литература в большей степени, элитарная – в меньшей, но и та и другая зависят от готовности и желания людей говорить на ту или другую тему. Поэтому совершенно не удивительно, что с недавнего времени входят в моду детективы с «мистическим» уклоном.

А для мистики нужна и соответствующая атрибутика. Желательно, чтобы действие происходило в старинном замке или монастыре, чтобы раскрываемая тайна уходила корнями в века и жертвы умирали одна за другой не от банального пистолетного выстрела, а от таинственного яда или вообще непонятно от чего.

Самый, пожалуй, известный из «мистических» детективов – «Имя Розы» Умберто Эко.

Но в литературе все новое – лишь хорошо забытое старое. Когда-то, два века назад, Анна Радклиф потрясла читающую Европу «готическими» романами: романами «ужасов и тайн», замешенными на философии «мирового зла». Герои «готического» романа непременно отмечены печатью рока, а сюжет сплетен из страшных, необъяснимых и кровавых преступлений. Чем не мистический детектив?

И Умберто Эко в своей книге ничего нового не придумал – лишь спел старую песенку на новый лад, приобрел множество почитателей и вошел с «Именем Розы» в историю мирового постмодернизма.

Но Умберто Эко – почти гений. Его роман сделан изящно, тонко, красиво, с очень точным соблюдением чувства меры. К сожалению, чаще случается так, что атрибуты «готического» романа для рядового писателя становятся камнями на шее, затягивающими в болото пошлости. Особенно много пошлостей рождает заманчивое желание порассуждать на тему «мирового зла» и власти Князя тьмы – будь то Сатана или буддистский божок Чойжал (хозяин ада).

Постмодернисты (а мистикой сейчас увлекаются как раз постмодернисты) вообще любят играть с религиями, любят делать малопочтенный винегрет из, например, буддизма и христианства. И преступления замешивать на религиозных воззрениях. И вводить еще один очень модный мотив, тесно связанный с религиями и загробной жизнью, – отношение персонажей к смерти. Злодей часто проповедует культ смерти, считает, что, убивая, приносит своим жертвам благо, освобождает их от ненужных и бессмысленных жизненных оков.

На «мистическую» приманку Александра Маринина не поддалась – мистики в ее книгах вы не найдете, и это правильно: в хорошем детективе все должно объясняться рационально, преступление должно быть психологически мотивировано и оправдано обстоятельствами. А если после нагромождения всяческих таинственностей пойманный злодей машет ручкой и вылетает в трубу – дескать, привидение я и спроса с меня никакого, – то что это за детектив?

А вот злодея с культом смерти Маринина на сцену таки вывела. Но опять сделала это не так, как поклонники мистики, не стала обставлять этот культ всякими загадочными и страшными явлениями – никакой тайной секты, пыток в подземельях, фамильных ценностей, убийств в замках и роскошных красавиц в вечерних платьях с посиневшими лицами. Впрочем,

фамильные ценности у Марининой есть, но принадлежат они жадной и малосимпатичной старухе, да и к преступлению никакого отношения не имеют.

Злодей Марининой – сугубый рационалист-одиночка, и так же умен, трезвомыслящ и логичен, как ее любимая героиня Настя Каменская. Не случайно именно Каменскую преступник и выбирает своим единственным оппонентом. Его должна поймать либо она, либо никто. Все жертвы на алтарь смерти словно бы приносятся в ее честь. И Настя, умирая от страха, вынуждена идти вслед за злодеем, разгадывая его жуткие ребусы.

Чем все это окончится? А вот догадайтесь...

Глава 1

КАМЕНСКАЯ

– Не знаю, как вы, уважаемые, а я книги Гоголя еще со школьной скамьи не люблю. Не понимаю, что в них интересного!

Андрей Тимофеевич оглушительно расхохотался и ловко отправил в рот очередной кусок упоительной телятины Ирочкиного изготовления. Настя искоса глянула на Татьяну и сдержала улыбку. До чего забавный этот их сосед! Немолодой уже мужчина, пенсионер, а держится с ними, как мальчишка с одноклассниками. Хохоchet, бородатые анекдоты рассказывает, нимало не смущаясь их несвежестью, и даже не стесняется признаваться в том, что не почитает одного из классиков отечественной литературы. Обычно люди его возраста держатся с теми, кому еще нет сорока, более солидно, с усталой многозначительностью изрекая непреложные, по их представлениям, истины. Не таков, однако, был Андрей Тимофеевич, живущий на одной лестничной площадке со Стасовым и его семейством.

– Ну, вообще-то, школьное изучение литературы к любому писателю может любовь отбить, – заметил Стасов. – Может быть, сейчас детей учат по-другому, а в наше время заставляли, например, наизусть зубрить размышления князя Андрея под небом Аустерлица. Какой пятнадцатилетний пацан это выдержит? Конечно, у него возникает стойкое отвращение и к отрывку, и к роману, и ко всему, что написал Толстой. Кстати, а как вы к Толстому относитесь?

– Я, уважаемый, к писателям никак не отношусь, – с неожиданной серьезностью ответил сосед, – у меня есть отношение только к конкретным произведениям. «Войну и мир» люблю, «Кавказского пленника» люблю, «Севастопольские рассказы» тоже, а «Анну Каренину», к примеру, терпеть не могу.

– Значит, вы и к нашей Тане никак не относитесь? – обиделась Ирочка. – Она ведь тоже писатель.

Андрей Тимофеевич снова расхохотался. Делал это он так самозабвенно и вкусно, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

– Ира, прекрати, – попыталась одернуть ее Татьяна. – Это называется выклянчивать комплименты.

– Так я же не себе комплименты... – стала оправдываться Ира, но Андрей Тимофеевич прервал ее:

– Дорогие мои, не ссорьтесь. Во-первых, у нас абстрактное обсуждение русских классиков, а не присутствующих за столом прелестных дам. Во-вторых, насколько я знаю, вы, Татьяна Григорьевна, пишете детективы, а я их не читаю и читать не буду даже из уважения к вам, вы уж меня простите. А посему отношения к вашему творчеству у меня нет и быть не может. Ну а в-третьих, лично к вам, Татьяна Григорьевна, я отношусь с глубочайшим почтением и восхищением, равно как и к вашей гостье Анастасии Павловне, ибо молодые, умные, красивые женщины, занимающиеся тяжелой и грязной работой, вместо того чтобы блистать в свете, неизменно вызывают трепет в моей мужской душе.

Выдав сию тяжеловесную, но изысканную тираду, сосед поднялся из-за стола, аккуратно сложив при этом лежавшую на его коленях накрахмаленную салфетку.

– Засим позвольте откланяться.

– Куда же вы, Андрей Тимофеевич, – всполошилась Ирочка. – У нас еще пироги...

– Нет-нет, дорогая, не могу, извините. Сын обещал подъехать, я должен быть дома. Сегодня, видите ли, вторая годовщина смерти жены, мы собираемся съездить на кладбище.

Ира проводила соседа до двери и вернулась в комнату. На лице ее проступила грусть, словно печальная дата в этот день была не у Андрея Тимофеевича, а именно у нее.

– Все-таки он славный... Простой такой, веселый... – вздохнула она, ни к кому конкретно не обращаясь, и начала освобождать на столе место для блюда с пирогами.

– Ага, – ехидно поддакнула Настя, – и галантный. Не знаю, как ты, Танюша, а я уже давно таких комплиментов не получала. И молодые-то мы с тобой, и умные, и красивые. У вашего замечательного соседа со зрением как? Все в порядке?

– Не волнуйся, – засмеялась Татьяна, – у него все в порядке. Это у тебя перебор в части самокритики. Запомни, подруга, твой вкус вовсе не эталон, я даже не исключаю, что он у тебя просто отсутствует. И тот факт, что ты сама себе не нравишься, совершенно не означает, что ты не должна нравиться всем остальным людям на этой планете. Допускаю, что нашему Тимофеичу-Котофеичу ты кажешься неземной красавицей. Ладно, коль наш сосед нас покинул, вернемся к делам.

Настя поскукнула. Дело, к которому призывала вернуться Татьяна, ей было совсем не по душе, но она опрометчиво дала обещание поучаствовать и теперь не могла отступить назад. То есть могла, конечно, мир не рухнул бы, но совесть не позволяла. Суть же состояла в том, что Татьяне позвонили с телевидения и пригласили принять участие в передаче, посвященной женщинам, занимающимся традиционно мужским делом. Программа так и называлась – «Женщины необычной профессии». Татьяна стала отнекиваться, объясняя, что женщина-следователь – явление вполне обычное, что среди следователей почти половина женщин, и лучше бы им поискать для своей передачи женщину – сотрудницу уголовного розыска, поскольку в розыске женщин действительно раз, два и обчелся. На вопрос, не может ли следователь Образцова в таком случае порекомендовать кого-нибудь, Татьяна ответила не задумываясь. Настя Каменская была единственной женщиной-оперативником из угрозыска, которую она знала. Кончилось дело тем, что Настя позволила себя уговорить только в обмен на обещание Татьяны тоже участвовать в передаче. Ни той, ни другой ехать на прямой эфир не хотелось, они придумывали разные замысловатые отговорки, стараясь не обидеть людей с телевидения прямым отказом, но администратор программы проявила недюжинное упорство в сочетании с невиданной проницательностью и нашла-таки способ их уломать.

Согласие их было получено, время прямого эфира назначено, увильнуть уже некуда, посему Татьяна пригласила Настю на воскресный обед, чтобы договориться о главном.

– Раз уж мы с тобой позволили себя втянуть в это мероприятие, – сказала она, – давай разработаем стратегию нашего поведения. Это прямой эфир, хуже того – это телемост, и если у нас с тобой не будет общей идеи, за которую мы станем изо всех сил цепляться, вся передача провалится. Только время зря потеряем.

– Да-а-а, – озадаченно протянула Настя, – телемост – это круто. Если бы просто прямой эфир, тогда еще ничего, сейчас, насколько я знаю, почти всегда звонки телезрителей фильтруют, чтобы не уходило время на явные глупости. А телемост практически неконтролируем.

Обед подошел к концу, Ира убрала со стола и отправилась гулять с годовалым сыном Татьяны Гришенькой, Стасов, выразительно шелестя газетами, прошепствовал в спальню, а две будущие героини телевизионной передачи «Женщины необычной профессии», забравшись с ногами на диван, принялись строить коварные планы противостояния неожиданным, а возможно и глупым, вопросам. Обе они были убеждены, что не существует женских и мужских профессий, а есть природные наклонности, способности и особенности характера, позволяющие успешно заниматься одними видами деятельности и мешающие добиваться успеха в других сферах. Причем природа эти наклонности и способности раздает людям без учета их половой принадлежности. Главное – донести эту мысль до телезрителей и не позволить тратить время на обсуждение тем вроде «Как ваш муж смотрит на то, что вас могут ночью вызвать на работу».

– На все подобные вопросы отвечаем по единой формуле, – предложила Настя. – Например: мой муж смотрит на это точно так же, как смотрела бы жена, если бы ее мужа... И так далее.

– Согласна, – кивнула Татьяна и поправила теплый плед, которым прикрывала ноги, – надо уходить от обсуждения нашей личной жизни и переводить все в обобщения, чтобы люди понимали, что нет конкретной Насти-сыщика и Тани-следователя, а есть люди, приспособленные для этой работы, независимо от их пола.

Ирочка давно вернулась с прогулки, доносившийся из спальни храп Стасова уже с полчаса как сменился шелестом газетных страниц, а Настя с Татьяной все совещались. Их разговор перестал быть предметно нацеленным на предстоящее выступление по телевидению, они быстро превратились в тех, кем были на самом деле: в оперативника и следователя, разрабатывающих план сложного допроса, когда нужно предвосхитить все возможные варианты поведения подозреваемого и продумать соответствующие этим вариантам контрудары. Работа эта была профессионально знакомой и увлекательной, и обе не замечали, как сгущались сумерки и загорались фонари за окнами. Прерваться пришлось, только когда позвонил Чистяков.

– Жена, тебя домой ждать или как? – спокойно спросил он.

– Смотря что подразумевать под «или как», – тут же отпарировала Настя.

– Два варианта, – методично ответил профессор математики, – или ты остаешься там ночевать, или я за тобой приеду.

– А тебе как больше нравится?

– Ехать за тобой, конечно, не хочется, бензин опять же переводить и двигатель амортизировать. Кроме того, у нас в квартире жуткий холод и горячую воду отключили...

– Тогда я остаюсь.

– Договорились, я выезжаю.

Настя положила трубку и посмотрела на часы.

– Ируськин, у меня есть сорок минут. Я могу рассчитывать на чашку кофе с остатками пирога?

ЧИСТЯКОВ

Оказывается, жить с чувством вины хоть и неприятно, но вполне можно. В конце концов, разве он виноват в том, что случилось? Ремонт в квартире Насти давно пора было делать, и единственное, в чем он может себя упрекнуть, так это в том, что раньше не проявил должной настойчивости. Тогда все было бы уже сделано. Уговорить жену зажмуриться и перетерпеть пару месяцев ему удалось только этим летом. Нашли мастеров, закупили часть необходимых материалов, работа закипела... А потом «ахнуло» 17 августа. И уже через неделю стало понятно, что отложенных на ремонт денег хватит разве что на окончание работ в кухне. Самое обидное, что деньги у Чистякова были, он как честный налогоплательщик открыл счет в Инкомбанке, куда ему и переводили гонорары за издаваемые за рубежом учебники и монографии. Ну а толку-то? Счета заморожены, с них ни доллара, ни цента, ни даже рубля не снять.

И тут, словно на счастье, подвернулось приглашение в Германию на три недели читать лекции. Заплатить пообещали наличными, и после краткого семейного обсуждения было решено случай не упускать. Государственной зарплаты жены-милиционера и мужа-ученого может не хватить даже на безремонтную жизнь, ибо к началу сентября потерявшие чувство реальности цены окончательно зарвались, совсем забыв о том, что должны хотя бы минимально соответствовать покупательной способности населения. Выплаченный наличными гонорар за лекции помог бы им продержаться несколько месяцев, а там, глядишь, и ситуация как-то утрясется.

Но государство снова подкинуло очередную подлянку. Стоило только Чистякову отбыть в Германию и войти в аудиторию со своей первой лекцией, как было объявлено о том, что все желающие могут перевести свои вклады из частных банков в государственный Сбербанк. И якобы это позволит им получить свои денежки, пусть не сразу и не в полном объеме, но хоть в каком-нибудь. Для осуществления этой процедуры необходимо лично явиться и написать соответствующее заявление. Вопрос, таким образом, закрылся сам собой, не успев открыться. Виза у Чистякова была не многократная, если бы он попытался вырваться на два дня в Москву, чтобы попробовать спасти свои деньги, то назад в Германию вернуться уже не смог бы, на получение новой визы потребуется две-три недели. Расписание лекций составлено, со всего мира на этот курс съехались математики, и попросить их уехать домой и вернуться через месяц, когда профессор Чистяков получит еще одну визу, было невозможно. Время шло, срок, отведенный нашим любимым государством на решение личных финансовых проблем, истекал, а Алексей Михайлович стоял за кафедрой и на хорошем английском языке... К моменту его возвращения в Москву лично являться и составлять заявления было поздно.

Короче, судьба вкладов оставалась более чем неопределенной, ясно было одно: денег нет и в ближайшее время не предвидится. Квартира, больше напоминающая разоренное гнездо, нежели жилое помещение, в таком состоянии законсервируется надолго, а вот что будет после Нового года – даже подумать страшно. Судя по всему, страшно было не только ему, но и Насте. Они оба не обсуждали эту тему, но сейчас, по дороге домой, она впервые задала вопрос, и Чистяков понимал, что последует дальше.

– Леш, а тебе много денег перевели из-за границы в этот чертов Инкомбанк? – осторожно спросила Настя, хотя она прежде никогда не позволяла себе влезать в финансовые дела мужа.

– В общей сложности сорок две тысячи, если считать в долларах.

– И ты в январе пойдешь в налоговую инспекцию и все задекларируешь?

– Ну а как же, – усмехнулся Чистяков. – Я хочу спать спокойно.

– И нужно будет заплатить примерно тридцать процентов от суммы гонораров?

– Примерно.

– Леш, а где мы возьмем деньги на налог? Это же четырнадцать тысяч долларов. Мне даже подумать страшно.

Краем глаза он увидел, как Настя поежилась. Целый день шел дождь, дорога мокрая, и он смог повернуться к жене, только остановившись на красный свет.

– Ты что, сильно переживаешь из-за этого? – серьезно спросил он.

Настя молча кивнула и достала сигарету.

– Брось, Асенька, это ведь еще не скоро. В январе я задекларирую доход, а выплатить налоги с него нужно будет до середины июля. Кроме того, по опыту прошлого года могу сказать, что, когда сумма большая, гражданам разрешается выплачивать ее частями.

– Ты думаешь, до лета вклады разблокируют? Что-то слабо верится, – покачала головой Настя. – Леш, неужели там, наверху, не понимают, что происходит? Воспользоваться деньгами не дают, а налоги платить заставляют. Как же их платить? С чего?

– Одно из двух. Или введут какой-то механизм для такого случая, или нам с тобой придется продавать имущество. Машину, к примеру.

– За нее много не дадут, она старая, – возразила Настя. – Есть еще твои подарки – серьги, кольцо, браслет с изумрудами. Но это же подарки, это ты мне дарил на дни рождения, на свадьбу... Как их продавать? Рука не поднимется.

– Не думай о плохом, Асенька, до следующего лета еще дожить надо. В правительстве не дураки сидят, они не могут этого не понимать.

– Может, они и не дураки, но сволочи! – в сердцах бросила она.

Чувство вины в очередной раз кольнуло Чистякова. Отложенных на ремонт и покупку новой мебели наличных как раз хватило бы на уплату этого чертова налога, и Аська не пере-

живала бы сейчас и не морочила себе голову черными мыслями. Господи, жила она в этой рассыпавшейся квартире больше десяти лет, ну еще год-два пожила бы. Но кто же мог знать?

И до, и после свадьбы они не жили постоянно вдвоем. Институт, где работал Чистяков, находился в Подмоскowie, там же жили его родители, и обычно Алексей оставался в Москве только тогда, когда не нужно было ходить на работу. Конечно, бывали и исключения, и он по две-три недели подряд жил с Настей в Москве, ежедневно мотаясь в Жуковский и обратно, но то были именно исключения. Теперь же он чувствовал себя обязанным находиться вместе с женой там, где жить было практически невозможно, иначе это выглядело бы так, будто он втравил ее в этот ремонт, а когда возникли трудности, убежал в теплую уютную квартиру к маме с папой. На предложение временно пожить у родителей Чистякова Настя ответила мгновенным, но вполне ожидаемым отказом: «временное» будет тянуться неизвестно сколько, а ездить далеко, особенно учитывая, что возвращается она с работы обычно поздно.

Теперь дома им приходилось ходить, высоко поднимая ноги и переступая через рулоны обоев, мешки с цементом, банки с краской, упаковки шпаклевки и коробки с кафелем. Обои и кафель со всех стен ободраны, и зрелище это глаз отнюдь не радовало. Единственное место, где можно было находиться, не впадая ежеминутно в ужас, это кухня, которую все-таки смогли закончить и оборудовать новой встроенной мебелью. На кухне они и находились все время, только на ночь перебираясь в комнату и совершая при этом каждый раз «переход Суворова через Альпы». Худенькой Насте довольно ловко удавалось маневрировать, протискиваясь между уложенными штабелями стройматериалами, более крупный Чистяков эти Альпы преодолевал с трудом, и несколько раз штабель рушился, производя душераздирающий грохот. Хуже того: 12 августа, когда ничто, как говорится, не предвещало, а Президент уверенным тоном сообщал, что держит руку на пульсе и катастрофы не допустит, так вот, в середине августа Чистяков умудрился заказать и оплатить итальянскую мягкую мебель со сроком изготовления два месяца. Два месяца как раз прошли, и сейчас, в середине октября, со дня на день могла случиться очередная неприятность в виде доставки мебели. Скромные Альпы грозили превратиться в Джомолунгму в сочетании с непроходимыми джунглями. И во всем этом Алексей Чистяков, тридцати восьми лет от роду, чувствовал себя ужасно виноватым.

ОБРАЗЦОВА

Для Татьяны выступления по телевидению были делом привычным, у нее неоднократно брали интервью и как у писателя, автора популярных детективов, и как у следователя, когда нужно было давать комментарии по какому-нибудь громкому делу, в расследовании которого она участвовала. Насте же предстояло оказаться перед камерами впервые, и она здорово нервничала.

В гримерной над ними хорошо поработали, и выглядела Настя просто замечательно.

– Вас прямо не узнать! – всплеснула руками администратор программы, увидев Каменскую, вставшую из-за гримерного стола. – Если бы я сама вас сюда не посадила, я бы решила, что это не вы.

– Вот и славно, – улыбнулась Настя. – Женщин в розыске не так много, и совсем не нужно, чтобы вся страна знала их в лицо.

Администратор замерла на мгновение, потом понимающе кивнула и рассмеялась.

Их усадили в студии на жесткие неудобные стулья, стоящие вокруг такого же неудобного круглого стола, на котором красовалась бутылка какого-то безалкогольного напитка и три высоких стакана с рисунком – рекламой спонсоров передачи. Ловкие ассистенты быстро навесили на Татьяну и Настю микрофоны и попросили не делать резких движений, чтобы конструкция не сдвинулась. Зрителей в студии было около сотни, и все они беззастенчиво тара-

пились на двух героинь передачи. Слева висел огромный экран, на котором после включения будет отражаться то, что происходит на другой стороне телемоста, на Новом Арбате.

– Настя, расслабься, – негромко произнесла Татьяна, – это не больно.

– Тебе легко говорить, – пробормотала Настя. – Я боюсь какую-нибудь глупость сморозить, а вся страна услышит. Позора не оберешься. На работе потом заклюют. И зачем только я согласилась! Вот дура! Сидела бы сейчас дома и смотрела на тебя по телевизору. Тихо и спокойно.

– Вот и сиди тихо и спокойно, – посоветовала более опытная Татьяна. – Никто тебя не съест и не обидит.

Ведущий программы подсел к ним за стол, послышался голос ассистента, выкрикнувший: «Тридцать секунд!», и Татьяна весело подмигнула Насте.

– Все в порядке? – деловито осведомился ведущий. – Настроение боевое?

– Да нет, обычное, – вяло пожала плечами Татьяна. – С кем тут воевать-то? Мы же не на работе.

– Это правильно, Татьяна Григорьевна, – согласился он. – Здесь у вас врагов нет. А как ваше самочувствие, Анастасия Павловна?

– Нормальное, спасибо.

– Ну все, через десять секунд эфир. Готовы?

Ровно через десять секунд на мониторах показалась заставка.

– Здравствуйте, дорогие друзья, – бодрым голосом заговорил ведущий. – Вас приветствует программа «Женщины необычных профессий» и я, ведущий Олег Малахов. В этот солнечный субботний день мы с вами собрались здесь, в студии, чтобы поговорить, разумеется, о солнечном и радостном. Что самое радостное и светлое в нашей жизни? Ну конечно же, женщины. Ибо женщины несут в себе любовь и материнство. Но сегодня мы с вами будем говорить о тех женщинах, которые посвятили себя традиционно мужским профессиям. Вместе с теми, кто собрался в студии, эту проблему будут обсуждать москвичи и гости столицы, проходящие в эти минуты по Новому Арбату. Именно там сегодня установлены телекамеры, и там находится наш второй ведущий Дмитрий Корзун. Вы готовы, Дмитрий?

На большом экране появилось симпатичное лицо второго ведущего.

– Здравствуйте. Да, мы готовы.

Чуть вдали за спиной Корзуна Татьяна увидела знакомую вывеску «Елки-палки». Раньше здесь было кафе «Валдай», потом китайский ресторан «Пальма». Самое начало Нового Арбата. Вокруг ведущего собралась приличная толпа, но это вовсе не означало, что все кинутся задавать вопросы. Одно дело – постоять рядом и поглазеть, и совсем другое – активно поучаствовать.

– Итак, – продолжал ведущий в студии, – сегодня у нас в гостях женщины необычных профессий. Старший следователь майор милиции Татьяна Григорьевна Образцова и старший оперуполномоченный уголовного розыска подполковник милиции Анастасия Павловна Каменская.

Татьяна коротко кивнула и с удивлением увидела, как ослепительно улыбнулась Настя. «Умница, – одобрительно подумала она, – взяла себя в руки».

Первые десять минут эфира прошли спокойно, вопросы задавал в основном Малахов, зал был еще не разогрет и интереса к беседе не проявлял. Настя и Татьяна отвечали по очереди, все эти вопросы они предвидели. Главное – не уходить в обсуждение собственной личности, а всячески подчеркивать, что между мужчинами и женщинами нет никаких различий, кроме чисто биологических.

– Как вам пришло в голову пойти работать в милицию?

– Точно так же, как это приходит в голову юношам и мужчинам. Существует мысль, и в один прекрасный день она посещает тебя.

– И как к этому отнеслись ваши родители?

– Вы знаете, в те годы, когда я выбирала профессию, трудно было найти родителей, которые были бы против такого выбора. В конце семидесятых – начале восьмидесятых годов работать в милиции было почетно и престижно.

– А вы не боялись?

– Кого? – Татьяна наивно округлила глаза.

– Как кого? Преступников.

– Преступников боятся все люди во всем мире. Это нормально. Иначе просто не может быть.

– Значит, вы боялись преступников, но все-таки выбрали свою профессию...

– Олег, страх такого рода имеет мало общего с выбором профессии. Каждый человек знает, что если на машине врезаться в бетонную стену, то наверняка умрешь. Иными словами, автокатастрофа почти всегда ведет к увечью или гибели, и нет человека, который этого не понимал бы. И тем не менее огромное число людей работают водителями. Вы думаете, они не боятся смерти? Боятся. Точно так же врачи знают, что есть болезни, которые сегодня не излечиваются. От этих болезней может умереть любой, в том числе и сам врач, никто не застрахован. В конце концов, мы все знаем, что рано или поздно умрем. Так что ж теперь, вообще не жить?

Ведущий Малахов подрастерялся, такого логического построения он никак не ожидал и не мог сообразить, как отреагировать на него, посему обратил свой взор в спасительный зал. На его счастье, откуда-то из середины проглянула поднятая рука.

– Вот я вижу, у нас есть вопрос из зала. Пожалуйста, возьмите микрофон.

– А вы владеете единоборствами? – задал свой вопрос широкоплечий накачанный юноша, подозрительно похожий на борца.

– Я – нет, – откликнулась Татьяна, тут же поймав на себе укоризненный взгляд Насти. Все верно, они же договорились не сводить разговор к обсуждению личностей. Надо исправляться. – Единоборствами нужно владеть тем, кто непосредственно проводит задержания преступников, а следовательно – это совсем другая профессия.

– А вы, Анастасия Павловна? – спросил ведущий. – Ведь вы-то как раз и проводите задержания, если я не ошибаюсь?

– Вы ошибаетесь, – лучезарно улыбнулась Настя. – Задержание – это уже последний этап, самый легкий. Сначала преступника нужно вычислить, понять, кто он, потом найти его. Вот этим я и занимаюсь.

Зал оживился. Народ в студии сидел далеко не глупый, и все поняли, какой фокус только что проделали на их глазах. Был задан вопрос, одна из гостей программы на него ответила, другая – нет, при этом вместо ответа на вопрос они услышали нечто неожиданное, такое, что и в голову раньше не приходило. А ведь в самом деле... В головах присутствующих зароились мысли: что бы еще такое спросить, чтобы услышать в ответ не банальную отговорку, а что-то новенькое, интересное?

– У меня вопрос к подполковнику Каменской. Вот вы сказали, что знаете пять иностранных языков. А вам часто приходится иметь дело с преступниками-иностранцами?

– Крайне редко.

– Зачем тогда вам знание пяти языков?

– Для умственной гимнастики. Оперативник не имеет права быть тупым. Или вы считаете иначе?

Вопросы посыпались один за другим. В обсуждение включились и зрители с Нового Арбата, передача заиграла красками, заискрилась. Насте с Татьяной удалось несколько раз остроумно пошутить, вызвав взрывы смеха и в студии, и на улице. За три минуты до конца эфира

зритель с Нового Арбата сошелся в смертельной схватке со зрителем из студии, обвиняя его в мужском шовинизме и антиконституционном подавлении индивидуальности женщины.

И в этот момент над самой головой арбатского «феминиста» взметнулся рукописный плакат:

«ЕСЛИ ТЫ ТАКАЯ УМНАЯ, УГАДАЙ, ГДЕ ТЫ ВСТРЕТИШЬ СМЕРТЬ».

Ведущий Малахов замер с открытым ртом. Первой пришла в себя Настя. Она взметнула вверх руку и громко крикнула:

– Корзун! Милицию зовите! Быстро! Задержите его!

Татьяна оцепенела, мертвенный холод разливался по всему телу. Кому адресованы эти слова? Насте? Или ей, Татьяне? Что это, дурацкая шутка или серьезное предупреждение? Ей показалось, что она оглохла от страха, потому что не слышала, как истерически зашумела студия, хотя явственно видела открывающиеся рты и бурно жестикулирующие руки.

Малахов наконец очнулся, до конца эфира оставалось чуть меньше двух минут, и он попытался спасти положение.

– Сейчас, уважаемые телезрители, мы с вами имеем уникальную возможность увидеть, как опытные работники милиции, столкнувшись с неожиданной выходкой злоумышленника, прямо отсюда, из нашей студии, будут руководить задержанием. Я прошу тишины в зале! Прошу всех участников передачи занять свои места и не шуметь! Дима! Корзун! Что у вас там происходит?

Изображение на большом экране раскачивалось в разные стороны, видимо, камера попала в водоворот толпы. Татьяна молча смотрела на экран и отстраненно думала: «Опытные работники милиции... Растерялась, испугалась, даже соображать связно не могу, не то что команды отдавать и руководить кем-то. Молодец, Настя, лица не потеряла. Зачем они продолжают этот балаган? Чего хотят дожидаться? Надо прерывать передачу».

Картинка на большом экране стала устойчивой, вероятно, оператор сумел-таки отвоевать свою камеру. Появилось лицо ведущего Корзуна.

– Нам удалось задержать человека с плакатом, сейчас оператор покажет его крупным планом...

Камера скользнула в сторону и выхватила фигуры крепких мужчин, в руках которых болтался, как тряпичная игрушка, подросток лет пятнадцати с прыщавым лицом и безумными глазами. Татьяну начал душить хохот, это было похоже на начало истерики. «Господи, мальчишка... Конечно, это дурацкая шутка. Детская шалость. А я испугалась, поверила. У страха глаза велики, вот уж воистину».

Корзун подсунул мальчишке микрофон.

– Это ты стоял с плакатом? – нервно спросил он.

– Ну чего привязались... – плаксиво протянул пацан.

Оставалась минута, секундная стрелка на висящем в студии циферблате отправилась по кругу в последний раз.

– Он, он стоял, мы видели! – слышались голоса из толпы.

– Скажи, зачем ты это сделал? – снова задал вопрос Корзун. – Зачем ты написал этот плакат?

– Не писал я...

– Но ты его показывал?

– Ну... отпустите...

Он сделал безуспешную попытку вырваться и тут же получил подзатыльник от одного из державших его мужчин.

– Зачем ты показывал плакат?

– Попросили...

– Кто тебя попросил?

Тридцать секунд. Двадцать девять. Двадцать восемь. Татьяне вдруг захотелось, чтобы стрелка остановилась. В ней проснулся профессионал. Уникальная ситуация, ведущий был прав. Уникальность состояла в том, что человек, пойманный за руку на месте проступка, вынужден давать показания перед огромной толпой и перед телекамерами, на всю страну. Окажет ли это какое-то действие на механизм вранья? Станет ли он упираться и «гнать порожняк» до конечной станции, придумывая самое невероятное объяснение своим поступкам, подстегиваемый внезапно свалившейся на него всенародной известностью, или, наоборот, мгновенно сломается и скажет правду?

Двадцать пять секунд.

– Кто тебя попросил поднять этот плакат? Кто тебе его дал? – повторил вопрос Корзун.

– Баба одна. Тетка в смысле...

– Кто она такая?

– А я знаю? Отпустите... Она денег дала, сказала, покажи плакат, а то мне неудобно, я болею, мне в толпу не пробраться.

Десять секунд.

– Дорогие телезрители, время нашего эфира подходит к концу, но мы обязательно расскажем вам, чем закончилась эта история. Наша следующая встреча в субботу, двадцать четвертого октября, смотрите нас в это же время. Всего вам доброго.

Большой экран погас, на мониторах снова показалась заставка. Зрители в студии сидели как пришитые, никто не встал. Только ассистенты подскочили к столу на подиуме и сняли с Насти и Татьяны микрофоны.

– Это что, розыгрыш? – спросила Татьяна Малахова. – Подставка?

– Да бог с вами! – возмутился ведущий. – Кому бы в голову пришло разыграть такую идиотскую шутку?

– Значит, парень настоящий? – уточнила Настя. – И плакат тоже?

– Клянусь вам, Анастасия Павловна, Татьяна Григорьевна, это непредвиденная случайность. Вы же понимаете, телемост, проспект, там, конечно, есть охрана, но за всем ведь не углядишь...

– У вас есть связь с Корзуном?

– Есть. Что ему сказать?

– Пусть найдет хоть каких-нибудь милиционеров. И пусть объяснит им ситуацию и попросит помощи. Парня надо доставить сюда. Немедленно. Вы меня поняли, Олег?

Голос у Татьяны стал жестким, она злилась, потому что не могла простить себе своего внезапного одуряющего страха.

– Да, я понял, Татьяна Григорьевна, сейчас я свяжусь с ним.

Малахов отбежал в сторону, Татьяна с Настей остались наедине. На них никто не обращал внимания, зрители потихоньку выходили из студии, бросая на героинь передачи взгляды не то сочувственные, не то насмешливые. «Они увидели, как я испугалась, – подумала Татьяна. – Они все поняли. Тоже мне, женщина необычной профессии! стыдоба. Ну и черт с ними».

– Ты как? – спросила она у Насти.

– С трудом. – Настя попыталась улыбнуться, но губы не слушались ее.

– Испугалась?

– Ну неужели! До смерти.

– Я тоже, – призналась Татьяна. – Вот мразь малолетняя! Как ты думаешь, он врет насчет женщины?

– Не знаю... Дурной он для такой выходки. Ее ведь придумать надо. И текст...

– А что текст?

– Ни одной ошибки. Сегодня среди подростков днем с огнем не найдешь такого, который пишет без ошибок. И орфография в порядке, и запятые на месте. И почерк, Таня. Это не его почерк.

Татьяна согласно кивнула. Плакат был написан от руки черным фломастером на большом куске картона, оторванном от упаковочного ящика. Прыщавый, сопливый пацан, дрожащий от возбуждения и восторга перед собственной наглостью, вряд ли смог бы так аккуратно и четко вывести все буквы.

Малахов вскоре вернулся, лицо его было озабоченным.

– Я связался с Корзуном, из ближайшего отделения милиции люди уже приехали.

– Оперативно, – усмехнулась Татьяна. – Хоть здесь повезло.

– Они, оказывается, передачу смотрели в дежурке, – пояснил ведущий, – поэтому, как только заварушка началась, сразу помчались на место. Мальчишку привезут сюда, я сослался на вас, Татьяна Григорьевна, сказал, что вы просили.

– А они что, сопротивлялись?

– Они хотели его к себе в отделение доставить.

– Это они правильно хотели, по закону так и должно быть. Мальчишку в отделение, а мы с Анастасией Павловной – к ним в гости. А не наоборот.

– Да-да, они тоже так говорили, но я сказал, что если мальчишка будет отпираться, то здесь, в «Останкино», мы сможем показать запись, на пленке видно, что это именно он держал плакат.

– А что, действительно видно? – удивилась Настя. – Я, честно говоря, лица не видела, видела только руки и кусок картона.

– Да я тоже не видел, – рассмеялся Малахов, – но сказать-то можно.

– Вы сообразительный, – скупно похвалила его Татьяна. – У вас есть помещение, где мы с Анастасией Павловной сможем подождать, пока привезут пацана, а потом побеседовать с ним?

– Найдем, – пообещал Малахов. – Пойдемте со мной.

Через пятнадцать минут они нашли такое помещение. Татьяна уселась в кресло и вытянула ноги, Настя примостилась у стола и пододвинула к себе пепельницу. Пальцы, державшие сигарету, подрагивали, и, глядя на них, Татьяна снова вспомнила свой страх.

– Никогда не думала, что меня так легко вывести из равновесия, – задумчиво сказала она. – Раньше я такой не была. Старею, наверное.

– Да нет, – мягко возразила Настя, – просто ты стала более уязвимой. Раньше у тебя не было ребенка, и ты могла позволить себе роскошь не бояться никого и ничего. А теперь ты должна бояться и за него, и за себя, потому что ребенок не должен расти без матери.

– Если ты права, то мне надо уходить с работы. Не предполагала я, что материнство сделает меня профессионально непригодной, – с горькой усмешкой проговорила Татьяна.

– Не говори глупости, Таня. Ты прекрасный следователь, ты только вспомни, каких акул ты в угол загоняла, у тебя голова светлая, мозги четко работают, ты упорная, дотошная, ты...

– Я слабая. Я больше не гожусь для этой работы. Хорошо, что я поняла это сегодня, пока еще ничего страшного не случилось. Всегда лучше уйти вовремя.

– Ну и что?! – почти закричала Настя. – Ну и что такого случилось сегодня? Тебя напугали, ты испугалась. Точно так же напугали меня, и я тоже испугалась. Страх – это нормальная человеческая реакция, люди с нормальной психикой обязательно должны испытывать страх в определенных случаях. Что ты себе напридумывала?

Татьяна помолчала. Она вдруг вспомнила, что после эфира не включила лежавший в сумке мобильный телефон, который сегодня в виде исключения дал ей муж. Ирка, наверное, смотрела передачу и теперь трясется от страха, за нее переживает. Да и Стасов, вероятно, тоже. Она о них даже не вспомнила, до такой степени страх все мозги отшиб. Вот о чем она пытается

сказать Насте. Вот что главное. Она достала телефон, включила его, старательно всматриваясь в маленькие кнопки, чтобы правильно набрать код.

– Страх – это нормально, тут ты права, – тихо сказала она Насте. – Но ты с ним справилась практически мгновенно. А я – нет. Вот в этом все дело. Если страх мобилизует человека, то все в порядке. Если от страха нарушается мышление, если от него наступает паралич мозгов – такому человеку нечего делать на следственной работе.

Настя погасила сигарету, подошла к подруге, присела перед ней на корточки и погладила пальцами мягкие пухлые ручки Татьяны с безупречным маникюром.

– Таня, а ты не преувеличиваешь? Прошло всего полчаса, а ты уже рассуждаешь вполне здраво. Ты же справилась с этим. Разве нет?

Татьяна крепко сжала Настины пальцы в знак благодарности за участие.

– Полчаса – это много, Настюша, это катастрофически много. Следовательно не имеет права на полчаса страха. Полминуты – это тот максимум, который я могла бы себе позволить. И то много. Секунд пять-десять, не больше. Да что я тебе объясняю, ты сама прекрасно понимаешь. Не будем больше об этом. Сейчас мальчишку привезут, давай подумаем, что с ним делать.

– По морде бить, – рассмеялась Настя. – Большого он пока не заслужил, а...

Она не успела договорить, как дверь распахнулась. Первым вошел Дмитрий Корзун, следом за ним появился оперативник из Центрального округа Сергей Зарубин. Всего три месяца назад они с Настей вместе работали по убийству крутой бизнес-леди.

– Здравствуйте, – радостно заявил Зарубин. – Не прошло и года, Настя Пална.

– Привет, Сережик, – Настя чмокнула его в щеку, для чего ей пришлось немного нагнуть голову, так как оперативник был ниже ее ростом на добрых полголовы. – Никак ты мне мальчишка привез?

– А то. Вообще-то зря я его пер к тебе через пол Москвы, толку с него как с козла молока.

– Что так?

– Да ревел он всю дорогу, сопли на кулак наматывал и слезами подвязывал. Слабенький и глупенький. Думал сто баксов влет слупить, обрадовался, а как в «клоповник» его засунули, наручником ко мне пристегнули, чтоб не сбег ненароком, да повезли незнамо куда, так он и поплыл. От страха имени своего вспомнить не может, не то что бабу, которая ему якобы плакат дала и деньги. Его еще часа два надо в чувство приводить.

– Приведем. Знакомься, Сережа, это Татьяна Григорьевна Образцова, старший следователь.

Татьяна слушала их разговор, не вставая с кресла. И не оттого, что была невежливой или высокомерной. Она честно хотела встать. И не смогла. Ноги отчего-то не слушались, и голова кружилась. Да, она права, надо уходить, пока не поздно. Она больше не годится для этой работы...

– Таня, это Сергей Зарубин, хороший опер, если тебя интересуют мои рекомендации.

Она сделала над собой почти нечеловеческое усилие, одним рывком подняла себя с кресла, постаралась не пошатнуться от сильного головокружения и протянула руку Зарубину.

– Очень рада. Давайте начнем. Заводите этого мерзавца.

Что бы она ни решила, но все дела всегда нужно доводить до конца. Она сама велела привезти парня сюда. Она не должна терять лицо. И в конце концов, она пока еще следователь. Пока еще...

Глава 2

КАМЕНСКАЯ

– Итак, прорыв в телезвезды успехом не увенчался, – мрачно констатировал Чистяков, открывая ей дверь. – Вы выяснили, что это за фокусы?

– И да, и нет, – вздохнула Настя. – Если дашь поесть, расскажу.

Но рассказывать она начала, не дожидаясь ужина. Ей необходим был трезвый взгляд на ситуацию, взгляд, не замутненный внезапным испугом и последовавшей за ним яростью и ненавистью к сопляку, захотевшему за три минуты заработать сто долларов.

Сопляк с литературным именем Ваня Жуков поведал историю, в которую верилось с трудом, но никаких других правдоподобных объяснений в голову не приходило. Он гулял по Новому Арбату, а проще говоря – шлялся от нечего делать, убивал время. Суббота, в школе занятий нет, а уроки можно и завтра сделать. Как ни странно, уроки Ваня Жуков старался делать исправно и в школе числился отнюдь не отстающим, так, во всяком случае, утверждали его родители. Так вот, гулял он, гулял, мороженое съел, потом позволил себе бутылочку пивка с гамбургером на свежем воздухе под октябрьским холодным солнышком, а тут к нему тетка подходит неопределенного вида и возраста. И предлагает заработать сто баксов за нечего делать. Во-о-он там толпа, видишь? Это телевидение. Нужно взять вот эту вот картоночку, протиснуться в толпу поближе к камерам и поднять ее над головой, чтобы всем по телевизору было видно. Больше ничего не требуется.

Представляете, что такое для пятнадцатилетнего пацаненка сто долларов? По нынешнему курсу это месячная Настина зарплата. Полторы тысячи, ежели в рублях считать. Она, подполковник милиции с высшим образованием и стажем работы шестнадцать лет, старший опер, столько получает за месяц службы, связанной, между прочим, с риском для жизни. А тут за пять минут – и никакого риска. Конечно, Ваня согласился, а вы найдете в Москве, да и во всей России, мальчишку, который не согласится. Слова страшные на картонке написаны? Так это ж только слова, это ж не взрывчатку на вокзале подкладывать. Мало ли кто кому что скажет или напишет. А сто долларов – вот они, в теткиных пальцах, на ветру шевелятся, их можно потрогать, их можно сделать своими и положить в свой собственный карман.

– А почему ты сказала, что тетка была неопределенного вида и возраста? – спросил внимательно слушавший ее Алексей.

– Потому что Ванятка наш маленький еще, чтобы правильно определять возраст женщины. Судя по тому, как он описывал ее одежду, дама не из благополучных, грязненькая и рваненькая. С зубами, опять же, не все в порядке, многие отсутствуют. А коль так, то она скорее всего бродяжка или пьянчужка. Такая и в двадцать восемь может выглядеть на пятьдесят, – объяснила Настя.

– Откуда же у нее сто долларов? – изумился Леша.

– От верблюда. Либо Ванька, паразит, все наврал, либо это не ее деньги, она только передаточное звено. За этим плакатиком стоит кто-то третий. И вот это меня больше всего пугает. Лучше бы оказалось, что Жуков врет. Понимаешь, Леша, у него в кармане действительно лежало сто долларов. Где он их взял? Родители уверяли, что у него никогда не было таких денег, они сыну давали, конечно, на карманные расходы, но не столько. Если не было никакой тетки, то нужно узнать, откуда у парня деньги. Леш, я, наверное, абсолютно аморальное существо, но пусть окажется, что он их украл, или выиграл в какую-нибудь лотерею, или получил за криминальную услугу. Тогда я буду точно знать, что никакой женщины не было, и

усну спокойно. Потому что, если женщина была и дала Ваньке сто долларов, это означает, что тот, третий, – человек серьезный. Сто баксов мальчику, еще сколько-то – тетке за посредничество, и все ради чего? Ради того, чтобы напугать двух женщин, работающих в милиции. Просто напугать. Пошутить, так сказать. Стоимость выделки в данном случае многократно превышает стоимость самой овчинки. И выводы, которые из этого следуют, меня отнюдь не радуют.

– Хорошо, давай рассмотрим выводы, – с готовностью кивнул Алексей. – Первое: этот шутник – сумасшедший миллионер. Он любит пошутить, впрочем, юмор у него черноватый, но без последствий. А денег у него много, и он их не считает. Такой вывод тебя устраивает?

– Такой устраивает, – согласилась Настя. – Можно мне добавки?

– Валяй.

Она положила себе еще цветной капусты, немного подумала, глядя задумчиво на одиноко лежащую на сковороде котлету, потом аккуратно отломила вилкой ровно половинку и тут же засунула себе в рот.

– По-братски, – отчиталась она, усаживаясь на место. – Я не какая-нибудь там, я честная, а могла бы, между прочим, всю котлету съесть, пока ты не видишь.

Чистяков усмехнулся, протянул руку к плите, снял сковороду и положил жене на тарелку оставшиеся полкотлеты.

– Ешь, честная ты моя, в холодильнике полная миска фарша, можно еще пожарить. Второй вывод мне и так ясен. Стоимость овчинки, по-видимому, значительно выше, чем вы с Татьяной себе представляете. У тебя есть третий вывод?

– Третьего нет. Дальше второй вывод раздваивается на вопросы: кто из нас двоих эта овчинка, Таня или я?

– А тебе как хотелось бы?

Настя вздохнула. Как ей хотелось бы? Хотелось бы, чтобы все это оказалось шуткой психованного идиота-миллионера. Но если нет... Кого именно он хотел испугать?

Она молча вымыла посуду, пододвинула стул к окну и села, опершись локтями о подоконник. Уже совсем темно, и на улице словно глухая ночь, а не субботний вечер, даже машин отчего-то мало. Такое ощущение, что Москва замерла, затаилась и чего-то испуганно ждет. Впрочем, что ж удивляться, при нынешней ситуации неизвестно, что будет не только завтра, но и через час. Включая телевизор, никто не может быть сегодня уверен, что не услышит какую-нибудь оглушительную новость вроде запрещения хождения твердой валюты или поднятия курса доллара на новую невиданную высоту. Или беда какая с Президентом. Говорят, в последнее время он сильно болеет. Если сегодня будут объявлены выборы нового Президента, то такое начнется, что про несчастную экономику все вообще забудут. При чем тут какой-то кризис, когда надо власть хватать? А людям жить надо, надо свой скудный бюджет как-то рассчитывать, чтобы до зарплаты протянуть, надо какие-то решения, жизненно важные, принимать, а как их принимать, когда неизвестно, что будет через час? Все затаились, в норки свои попрятались и ждут.

И она, Настя Каменская, тоже ждет. Потому что угадать, где же она встретит смерть, ей пока не удается.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Ну чума! Чистая чума, а не мужик. И чего ему надо от меня? Ладно, спасибо ему, денег дал. Я хоть и выпиваю, но не алкоголичка законченная, мозги еще не совсем проспиртовала, потому и понимаю, что он мне не заработать дал, а просто подарил эти деньги. Деньжищи! Да разве ж это работа? Найти пацана и всунуть ему сто «зеленых» вместе с картонкой. Я б такую работу по тыщу раз в день делала просто за стакан, а он мне столько отвалил – аж страшно! Я ж говорю – чума.

И ладно бы, если б только долларами одарил. Мало ли какие у людей причуды бывают. Когда я на железной дороге работала, так был у нас там один, тоже чумовой. Припадочный, в смысле. Как найдет на него припадок, так он на все деньги водку покупал и за просто так раздаривал. На, говорил, Михална, выпей за мое здоровье. И бутылку мне целую совал. Да и не только мне. Сколько бутылок купит, стольким и подарит, себе ничего не оставлял. Непьющий он был, представляете? Вообще в рот не брал, ну ни граммулечки, а нам покупал. Во какие бывают...

Но этот-то, чумовой-то нынешний, вообще без крыши, похоже. Я пацаненка нашла, на «задание» его наладила, вернулась и говорю, так, мол, и так, поручение твое, мил-человек, выполнила. А он меня хватить под ручку, навроде как дамочку, и переулками в сторону Старого Арбата потащил. Разговор, говорит, у меня к тебе есть, Михална. Доставь мне, несчастному и горем убитому, радость нечаянную. Поужинай со мной сегодня. Только я человек приличный, по подъездам, подворотням и вокзалам отираться не приучен, кушать я изволю исключительно хорошую еду и в хороших условиях.

Так что ты, Михална, давай-ка ноги в руки и беги мыться. Или ты бездомная? Я прямо даже обиделась. Как это такое – я бездомная? Я не какая-нибудь там бомжиха, у меня квартира есть, однокомнатная. В ней и живу. И ванная с горячей водой имеется. С мылом, правда, напряженка...

Он будто мысли мои прочитал, усмехнулся так и говорит: «Не сердись, Михална, это я так спросил, ради красного словца. Вот тебе деньги, купи мыла нормального и помойся как следует, чтоб кожа скрипела. Как помоешься – приходи снова сюда, я пока тебе одежду прикуплю, а то в твоих нарядах за стол садиться нельзя – кусок в горло не полезет, стошнить может». Я было опять обидеться собралась. Чего это ему моя одежда не нравится? Я лично в ней уж пятый год хожу не снимая – и ничего. Но потом сообразила, что гордость проявлять сейчас не ко времени, а то насчет ужина передумает. Пусть одежду новую покупает, я ее надену сегодня разочек, а завтра толкну, опять же на выпивку будет. Ой, что это я? У меня же денег теперь целая куча, мне столько за год не пропить, тем более что я ж не пьющая какая-нибудь, не алкоголичка конченная, а так, выпиваю для души и поднятия бодрости духа.

Ну, может, меня кто и дурой считает, а только соображаловку-то я не потеряла. Ты, говорю, мил-человек, одежду-то мне сразу прикупи, я ее домой снесу, там помоюсь и сразу в новое наряжусь. А то что ж мне на чистое тело это старье напяливать. Опять же переодеваться здесь негде, разве что в платном сортире, но там грязно. Говорю, а про себя думаю: как ты есть чумовой, то веры тебе никакой нет. Я, как послушная овца, попрнусь домой мыться, вернусь, а тебя и след простыл. Чего ради тогда я, спрашивается, надрывалась, воду переводила, ноги терла, пока туда-сюда моталась? Нет уж, ты давай денежки выкладывай на мою новую одежду, ежели тебе приспичило, а я с ней уйду. И если ты смоешься, то у меня хоть тряпки останутся. Нет, как говорится, дура-дура – а умная. Меня не проведешь, на кривой козе не объедешь.

Он, видать, тоже не дурак, чумовой-то этот. И не жадный. Ладно, говорит, Михална, пойду в магазин, куплю тебе что попрличней, в новом и вернешься. Только ты в магазин со мной не ходи, а то продавцы все от страха под прилавки спрячутся. Я уж сам как-нибудь справлюсь, на глазок. Я снова обидеться надумала, но быстро отошла. Чумовой – чего с него взять.

Сказано – сделано. Пошел он в магазин, вернулся минут через тридцать с большими пакетами. Я, пока его ждала, в округе пошастала, несколько бутылок нашла и в сумку спрятала. Пригодятся. Венька Бритый там же ошивался, насчет вечера спрашивал, говорил, у Тamarки день рождения, она сегодня наливает. Я на всякий случай сказала, что забреду. А то получится, что нахвастаюсь ему про ужин с чумовым, а тот меня продинамит. С голоду, конечно, не помру, но лучше у Тamarки на халяву кусок сцапать. Хотя какой там кусок, у Тamarки этой, сама еле-

еле концы с концами сводит, только на выпивку и хватает, так что на именинах ейных если на что и можно рассчитывать, так на полстакана. Но и то хлеб.

Короче, схватила я пакет, буквально из рук у чумового выдернула, и бегом домой. Благо живу рядом совсем, в Малом Власьевском переулке. Прискакала к себе, пакеты раскрыла и давай тряпки разглядывать. Да-а-а, доложу я вам, не ожидала я такого. Можно подумать, он меня в валютный ресторан вести собрался. Чумовой – он и есть чумовой. Нет, ну вы подумайте, даже трусы купил и лифчик. Каково, а? И колготки. В общем, до конца я все рассматривать не стала, мне и так с первого взгляда стал понятен этот... как его... ну в газетах-то часто про него пишут... Во, вспомнила! Уровень притязаний. А чего вы удивляетесь? Что я газеты читаю? Так я ж их подбираю, где кто бросит, и на пол стелю или там на ящик, или на стол, где стакан ставлю. Глоток выпьешь – и смотришь перед собой, ждешь, как пойдет да где уляжется. А перед тобой-то как раз и газетные статьи. Поневоле глаза в текст утыкаются.

В общем, отправилась я в ванную, прихватила с собой мыло и шампунь, которые тоже в пакете лежали. Намылась в полное удовольствие. Все ж таки куда лучше себя ощущаешь, когда тело чистое, это точно. Волосы прямо пучками из головы лезут, лохмотья в руках остаются. Когда я голову-то мыла в последний раз? Месяц назад, кажется, а то и больше. Вы не думайте, что я неряха, я ее специально редко мою, потому как волос сильно лезет, особенно когда моешь. А так, если его совсем не трогать и даже не расчесывать, он еще держится.

Вышла я из ванной, стала тряпки на себя натягивать. Вроде все впору, даже белье. Жаль, посмотреться некуда, зеркала нету. Почему нету? Так разбили. Венька Бритый и разбил в прошлом году, напился, сволочь, драку с Тамаркиным хахалем затеял, они зеркало и уронили. А новое покупать – денег жалко. Если лишняя копейка завелась, так ее лучше пропить... То есть, я хотела сказать, купить выпивку и друзей позвать, посидеть в теплой обстановке. Вы не думайте, я не пропойца какая-нибудь, я бы даже еще работать смогла, только зачем? Пенсию мне назначили по полному моему праву, а что я еще не старая – так это ничего не значит, я на вредном производстве с восемнадцати лет. Ну, насчет вредного производства – это я так, в переносном смысле, хотя, если вдуматься, работа в театральном коллективе как есть вредная. Целый день репетиции, по вечерам спектакли, и все время впроголодь. Этим-то, примам-балетинам, куда легче, они, дай бог, один спектакль в неделю танцуют, а нам, кордебалету, каждый день пахать приходится. Прим-то много, а кордебалет один. Нам, балетным, в тридцати три года пенсия полагается, пусть спасибо скажут, что я до тридцати пяти на ихней сцене ногами махала. Так что моя пенсия хоть и небольшая, но кровью и потом выстраданная и вполне заслуженная. И то сказать, я по первости после балета на железную дорогу пошла работать, диспетчером. Хорошенькая была – ужас, мужики так и вились. Маленькая, стройненькая, походочка легонькая. За мной тогда один большой начальник из Управления железной дороги ухаживал, он меня в диспетчеры и пристроил. Говорил, хочу, чтобы ты, Наденька, ко мне поближе была, чтобы от моего кабинета до твоей кабинки можно было за десять минут добежать. Управление дороги на Краснопрудной улице находилось, а меня он на Казанский вокзал определил, рукой подать. Я тогда сильно на все это дело понадеялась, ведь тридцать пять уже, профессии, кроме балета, никакой, образования, сами понимаете, тоже немного, а семью завести хочется, и чтобы не бедствовать при этом, а жить прилично и ни в чем себе не отказывать. О том, что начальник этот меня обманул, и рассказывать не надо, и без того понятно. Так мне хотелось замуж выйти, пока не поздно, и ребеночка родить! А он все «завтраками» кормил, обещал вот-вот развестись, я и верила. И чем все кончилось? Выпить он любил, и обязательно чтоб не одному, а в компании. Компанией его, естественно, я и была. С самого утра как начнет в кабинете «принимать», так до двенадцати ночи и выпивает, а жене вкручивает, что, дескать, работы у него много, совещания да собрания замучили. И я с ним пила, понравиться хотела. Я ведь как рассуждала? Лучше пусть со мной пьет, потому что, если я откажусь, он другую компанию найдет, а где гарантия, что в этой компании не окажется женщина, красивая да сво-

бодная? Нету таких гарантий, никто их дать не может. Потому выбор у меня был простой, как арифметика для нулевого класса: или отпускать его с другими пить, или самой с ним «принимать». Да что греха таить, он, когда выпьет, слова такие хорошие говорит, что слушала бы и слушала до самой смерти. И самая-то я лучшая на свете, и самая красивая, и самая любимая, и обязательно он на мне женится, как только детишки в законном браке подрастут чуток, и жить он без меня не может не то что одного дня, а и одной минуточки. Мне слушать такие слова – как бальзам на душу, и я, конечно, не возражала, когда он напивался. Но и сама вместе с ним... Ему, борову вонючему, как с гуся вода, а со мной все быстро кончилось. Говорят, женщины на это дело слабее мужиков. В общем, припечатали мне клеймо алкоголизма и с работы выперли. Тут и любовь наша закончилась. Он так мне и сказал, гнида жирная: не может, говорит, у такого заметного начальника, как он, быть жена-алкоголичка. А какая я алкоголичка, вот вы мне ответьте? Какая я алкоголичка? Алкоголики – это которые себя не помнят и мать родную за полстакана продадут. А я вполне в сознании. Ну ладно, что это я старое вспоминать кинулась.

Оделась я во все новое, и на самом дне одного пакета еще сверточек заметила. Развернула – а там парик. Самый настоящий. Я сперва расхохоталась, а потом сообразила, что чумовой-то мой, верно, заметил, какие у меня волосы. Правильно он сообразил, с такими тряпочками нужна хорошая прическа, а из моих лохмушек уже ничего не соорудишь подходящего. Да, жалко, что зеркала нет, вот пригодилось бы сейчас! Достала пудреницу, лицо подканифолила, заодно в маленькое зеркальце, вделанное в крышку, постаралась рассмотреть хоть что-нибудь. Много, конечно, не увидела, но хоть подкраситься смогла. Ресницы погуще намазала.

Что-то мне тревожно стало, будто я – это не я, а кто-то чужой. Словно душа моя в другое тело переехала. Кожа чужая, одежда незнакомая, на голове парик. Хватанула я стакан отравы, в шкафу бутылка стояла, да и пошла обратно, где чумовой мне встречу назначил. По дороге все у витрин останавливалась, хотела себя разглядеть. Деталей, конечно, не рассмотрела, но общий вид меня порадовал. Вроде как тело даже походку прежнюю вспомнило. А в общем там, в витрине, была, конечно, не я. Или я? Черт их разберет, чумовых этих, совсем голову заморочили.

Иду я в сторону Николопесковских переулков, а сама боюсь: вдруг обманул, вдруг ушел и не вернется? Так мне сильно в этот момент захотелось в ресторан пойти, в приличный, чтоб все как у людей, чтоб меня кавалер под ручку в зал провел, чтоб стул правильно пододвинул. Чтоб официанты вокруг сновали, музыка играла, люди нарядные, а не Венька Бритый с Тамаркой. А вдруг чумовой этот во мне прежнюю красоту разглядел? Я ведь не старая еще совсем, всего-то сорок два. Бывают же случаи, когда несчастные неудачливые бабы вроде меня встречают нормальных богатых мужиков. Каждому судьба дает свой шанс, но только не каждый его увидеть и понять может. Я-то в свое время начальника своего железнодорожного за такой шанс приняла, а может, это вовсе и не он был? Может, мой шанс – этот чумовой с карманами, набитыми долларами? Значит, судьба меня правильно от того начальника отвела, пусть и ценой увольнения с работы, позора и слез, но отвела, сохранила меня для чумового. А то ведь если бы я своего добила тогда и вышла замуж за борова, я б чумового сегодня не встретила. Вот оно как!

Подхожу к назначенному месту, гляжу – стоит. Стоит мой родненький, по сторонам не оглядывается, задумался о чем-то. Увидел меня и говорит:

– Молодец, Михална, хорошо выглядишь. Поехали.

Повернулся и пошел. Я растерялась в первый момент, но за ним двинула. Он идет, не оборачивается, словно забыл про меня. Быстро так идет, я прямо еле-еле поспеваю за ним. Батюшки, да он на машине, оказывается! Во праздник-то у меня будет сегодня! На тачке в ресторан. Все как у порядочных.

Едем мы с ним, значит. Он за рулем, я рядом. Молчит всю дорогу. Я уж беспокоиться начала. Город кончился, Кольцевую дорогу пересекли, а он дальше куда-то пилит. Ладно,

думаю, за городом тоже рестораны есть, даже покруче, чем в Москве. Правда, Венька говорил, что в таких кабаках все больше мафия гуляет, а не простые смертные, поэтому там и перестрелки случаются, разборки всякие. Что же получается, мой чумовой – мафиози? Во смеху-то! А мне без разницы, хоть он там кто, лишь бы человек был хороший.

Остановил он машину вовсе не рядом с рестораном. Дачи какие-то, темень кругом непроглядная, фонарей нет. Ну, думаю, вляпалась ты, Надежда Михална, по самое некуда. Сейчас как заведет куда-нибудь да... И самой смешно стало. Чего мне бояться-то? Что я, красна девица, мужика голого не видела? Тоже мне, нашла чего испугаться.

Чумовой машину запер и молча повел меня к дому. Дверь ключом открыл, свет зажег. Ничего домик, я в таких бывала, когда в балете отплясывала. Тогда модно было кордебалетных девочек целыми кучками на такие дачи привозить, здесь советское и комсомольско-партийное руководство «оттягивалось», расслаблялось после непосильных трудов по руководству нашей страной и великим советским народом. Не самое высшее руководство, конечно, а такое, средней паршивости. Эти дачки – нынешним не чета. Не фанерный сарайчик на шести сотках, а добротный двухэтажный дом с огромной верандой, комнат штук семь-восемь, да участок не меньше гектара. Тут по телику кино как-то показывали, называется «Утомленные солнцем», там дело происходит после революции на даче у красного командира. Так вот, та дачка, которая в кино, ну просто один в один эта. Как раз на такие нас после спектаклей возили, на такой же в точности я и сегодня оказалась. Может, и вправду судьба?

Чумовой куртку скинул и говорит:

– Устраивайся, Михална, поудобнее, сейчас на стол накрою и ужинать будем.

Наверное, рожу у меня была все-таки испуганная, потому что он посмотрел на меня внимательно и хмыкнул, но не сказал ничего. Ладно, стало быть, дачка... Не ресторан. Жалко. А я уж губенки раскатала.

И снова тревожная мысль в голове пронеслась, будто током дернуло: если не в ресторане ужинаем, а на дачке, тогда зачем маскарад? Зачем, я вас спрашиваю, все эти тряпочки, мытье с мылом и приличная прическа? Ну хорошо, насчет мытья с мылом – еще куда ни шло, сказал же чумовой, что его стошнить может от меня. А одеваться зачем? Когда за столом сидишь, то запахи – они, конечно, на аппетит влияют, а внешний вид тут совершенно ни при чем. Но я быстро успокоилась, потому что вспомнила, с кем дело имею. С чумовым. У него своя правда, а я все пытаюсь его поступки своей правдой измерить. Он ведь тоже на эту дачу не в рванье приехал, а в хорошем костюме. Я, конечно, в связи с мизерностью пенсионного обеспечения от новейших веяний моды малость подотстала, но когда по арбатским переулкам гуляю, то в витрины заглядываю. Там сейчас много дорогих магазинов, у них даже название специальное есть, заграничное. Бутики. Чего эти бутики-шмутики означают, не знаю, но шмотки там красивые. И что самое обидное – только на меня и годятся. Например, платье для приема. Для молоденьких девочек с хорошими фигурками это слишком солидно, они на приемы еще не ходят, а много вы видели дам в возрасте, которые влезут в сорок второй размер? Да еще рост первый. Таких, как я, нынче поискать, вот и висят эти платья в витринах, никем не купленные. А я на них смотрю каждый день и радуюсь тому, что не нашлась еще баба, равная мне по комплекции. Девочки тринадцати лет есть такие, а баб – нету.

Опять я отвлеклась, мыслями куда-то уехала... В общем, на этих витринах мужские костюмы тоже висят, поэтому я какое-никакое представление имею. Чумовой хорошо одет, дорого и со вкусом. Пока я про витрины вспоминала, он на стол накрыл. Тарелки расставил, фужеры, приборы положил с салфетками, еду принес из кухни. Не хуже чем в ресторане получилось.

Открыл он бутылку водки, мне налил, а себе воды минеральной плеснул.

– Пей, Михална, – говорит, – на меня внимания не обращай. Я за рулем, мне тебя еще обратно везти, на Арбат, потом самому домой возвращаться. Не хочу рисковать, гаишники

нынче совсем озверели, доллар растет, а зарплата у них прежняя, вот они и компенсируют на рабочих местах с утроенной резвостью. Поняла?

Я выпила, закусила немножко. И вдруг сообразила, что даже не знаю, как его зовут. Он ко мне обращается по имени, а мне как его называть? Гражданин Чумовой? Или товарищ? Да хрен с ним, можно никак не называть.

Я еще водочкой подкрепилась и повеселела. Надоело в молчанку играть. И потом, что это за застолье, когда еда есть, выпивка есть, а разговора нету? Непорядочек.

– Слушай, – говорю, – а зачем ты меня сюда привез?

Чумовой внимательно так на меня глянул и улыбнулся.

– А сама ты как думаешь?

Вот этого я не люблю. Ну просто терпеть не могу. Разговор – он и есть разговор, один спрашивает – другой отвечает или рассказывает что-нибудь. Был у нас в театре помощник режиссера, который тоже так делал; его спросишь чего-нибудь, а он в ответ: «А вы сами как думаете? Должно же у вас быть свое мнение». Задолбал он нас всех этим мнением. Я как про этого помрежа вспомнила, так разозлилась моментально.

– Никак я не думаю, – говорю, и грубо так, резко. – Если б я что-нибудь думала, я б у тебя не спрашивала.

А внутри все словно силой наливается, так и хочется заорать на него, да погромче. Сейчас, думаю, меня понесет. И точно.

– Ты ко мне с просьбой обратился, сказал, что ты одинокий и несчастный. Говорил ты мне такое?

– Говорил, – спокойно согласился чумовой и снова улыбнулся.

– И я тебя пожалела, потому как ты одинокий и несчастный. Пошла, можно сказать, тебе навстречу, отменила все свои дела, переделалась в твои тряпки, которые мне абсолютно не нравятся и вообще мне не подходят. Ладно, я сделала, как ты просил, потому что я человек жалостливый и добрый. Ты меня завез черт знает куда, держишь меня здесь, молчишь, разговаривать не хочешь. Ну и где твое одиночество? Ежели ты от одиночества страдаешь, так ты должен сейчас без остановки говорить, жизнь свою мне рассказывать, жаловаться, сочувствия искать. Тебе собеседник нужен. Это я так думала, пока ты меня сюда вез. А ты молчишь. И на хрена я время свое на тебя трачу? Оно у меня что, бесплатное? Казенное? Я бы этот вечер в сто раз лучше провела...

Леплю я всю эту чернуху и сама начинаю в нее верить. Еще в хореографическом училище нас учили: каждый артист должен быть историком, он должен выдумать историю и сам в нее поверить, только тогда в нее поверит зритель. Ну, с этим у меня проблем не было, я какую хочешь историю выдумаю и уже через две минуты буду рыдать от горя и верить, что все это именно со мной и случилось. Очень помогало деньги выклянчивать, даже свои на эту удочку попадались, не только чужие. Нет, в самом деле, ради чего я к Тamarке на день рождения не пошла? Ради него, чумового этого. Пожалела несчастного. Лучше бы сидела сейчас в теплой компании, Венька Бритый анекдоты рассказывает, Тamarка песни поет и хахаля своего поддразнивает, за ширинку дергает, Калоша всякие байки из своей прошлой жизни вспоминает, он когда-то шофером был у больших начальников, насмотрелся и наслушался всякого. Там, у Тamarки-то, такой еды, конечно, нету, а что мне еда? Я всю жизнь жила впроголодь, фигуру берегла, а в последние годы, как на пенсии осела, так тем более, на эти жалкие рублишки не зажируешь. А выпивки у Тamarки на всех хватает, у нее родственники есть, которые по случаю праздника всегда подкидывают денюжат. И зачем я тут сижу?

А чумовой будто мысли мои прочитал и спрашивает:

– Тогда зачем ты здесь сидишь? Я – ладно, я тебя попросил со мной поужинать, у меня на то свои причины есть. Но ты ведь могла отказаться. Сказала бы, что не можешь, что у тебя много дел, вот и к подруге на день рождения идти надо. А ты не сказала ничего такого.

Ты согласилась и поехала со мной. Вот я тебя и спрашиваю: почему ты согласилась? Зачем поехала, если ты такая занятая?

– Так я ж говорю – жалко мне тебя стало, добрая я, меня разжалобить легко. Вот ты и разжалобил, а теперь вопросы задаешь. Думаешь, раз ты богатый, так других людей унижать можно? Думаешь, тряпки мне купил и теперь можешь ноги об меня вытирать? Не выйдет! У нас, бедняков, тоже своя гордость есть!..

В общем, я снова завелась, и вполне искренне. Кричу и в каждое слово верю. Чумовой меня выслушал, не перебил ни разу. Ел и слушал, ел и слушал. Даже не сердился, кажется. Мне пришлось остановиться, чтобы горло промочить. Пока рюмку пила, запал вроде остыл. Глупая какая-то ситуация. Я ведь как привыкла? Один орет, в смысле выступает, остальные перебивают, вмешиваются, то есть новое направление разговору дают, беседа и не иссякает. А тут по-другому. Я говорю – он молчит. Я вроде все уже сказала, не повторять же по новой, как попугай. Короче, выпила я и заткнулась. Временно. Сидим. Тишина. Часы где-то тикают. Мысли у меня опять в сторону отъехали, стала про Тамарку думать. Вот бывают же невезучие бабы, их по-честному жалко. Как я, к примеру. А бывают бабы откровенно глупые, и вся их жизнь наперекосяк идет из-за их же собственной дурасти. Таких не жалко. Вот взять Тамарку...

Но Тамарку я «взять» не успела, потому что чумовой решил рот раскрыть. Ну слава богу!

– Ты, Михална, семью иметь хотела бы? – спросил он.

– А то нет. Конечно, хотела бы.

– Сколько ж тебе лет, подруга?

– Тридцать восемь, – соврала я.

– И ребенка могла бы родить?

– Запросто! Я знаю как влетаю? Со мной брюки можно рядом положить – через месяц на аборт побегу.

Вру и не краснею, а у самой сердце аж зашлось. Про семью спрашивает, про ребеночка. Может, действительно это тот самый шанс? Чего в жизни не бывает... Ребенка я, естественно, родить уже не смогу, но зачем сейчас об этом говорить? Пусть сначала женится, вытащит меня из грязи, а там разберемся. Может, он так просто спрашивает, в его возрасте заводить маленьких детей обычно не стремятся. Хотя если он совсем бездетный...

– А у тебя есть дети? – на всякий случай спрашиваю.

– Есть, – отвечает. – Сын, он уже взрослый.

Тут я малость скисла. Но свою линию держу, не отступаю.

– И жена есть?

– Нет, жены нет. Так скажи ты мне, Надежда Михална, если б тебе сейчас предложили ребенка родить, как бы ты к этому отнеслась?

Вот хреновина! Прямо сейчас и родить. Ну ладно, была не была, главное – ввязаться. Уцепиться за этого чумового мужика с деньгами, машиной и дачей, вылезти хоть немножко, а там – будь что будет.

– Родила бы, – отвечаю. – А что? Кто предложит-то? Ты, что ли?

– погоди, не о том речь. Говоришь, родила бы ребенка. А зачем?

Я прямо оторопела. Сам же говорит, а потом сам же спрашивает. Ну как есть чумовой!

– То есть как зачем? Зачем все рожают?

– Мы не про всех говорим, а конкретно про тебя. Врешь ты все насчет возраста, не тридцать восемь тебе, а больше, но, допустим, ты еще можешь родить. Так вот зачем нужен ребенок лично тебе в твои годы и при твоей жизни? Что ты с ним будешь делать?

Зачем нужен? Да, на кой черт он мне нужен сейчас, ребенок этот? Но если бы рядом был муж и он захотел бы ребенка, я бы расстаралась, чтоб покрепче к себе мужика привязать. Если уж ему приспичило, то я завсегда навстречу пойду. Мало ли чего мне пять лет назад сказали врачи, с тех пор медицина далеко вперед ушла, а у чумового-то денег видимо-невидимо, он

меня и за границу лечиться может отправить. Но так ему говорить нельзя. Надо что-то благообразное выдать.

– Я бы его воспитывала, – забормотала я, – растила, любила.

Вот черт, как назло, все слова из головы вылетели. Ведь у Тамарки-то есть дочка, какие-то слова она про нее говорила же, что-то такое насчет смысла жизни или еще фигня какая... Ничего вспомнить не могу. А, вот, про старость. Про старость все говорят.

– Чтобы в старости рядом со мной был родной человек, который стакан воды подаст, когда я буду больная и немощная, – выпалила я, мысленно похвалив себя за складную длинную фразу. Нет, что ни говори, а я не алкоголичка и даже не пьяница, мозги еще работают – будь здоровчик. И память не подводит.

– Ну ты даешь, Михална, – рассмеялся чумовой. – Ты что же, надеешься до старости дожить? При твоей-то жизни? Да ты в любой день концы отдать можешь, ты же пьешь с утра до ночи и не закусываешь. Или сама помрешь, или пришьют тебя твои собутыльники. Не боишься?

Тут я совсем затосковала. Что-то разговор повернулся не в ту сторону. Не больно-то похож этот чумовой на мужика, который меня вытащить хочет и руку с зажатым в ней шансом мне протянуть. Ну, коль так...

– А ты моих собутыльников не трогай! И не тебе о моей жизни судить...

В общем, я снова «погнала порожняк» до конечной станции. Гоню, но прихлебывать из рюмки и доливать в нее не забываю. Чумовой слушает вроде даже внимательно, глаз с меня не сводит, и такая странная улыбка у него на губах играет, что мне в некоторые моменты страшно делается. А потом, когда все, что надо, куда надо всосалось и меня забрало, мне вдруг безразлично стало, чего он там обо мне думает. Злость прошла, стало весело и легко. Да, не жениться на мне он собрался, это факт, не для того он меня сюда привез. Наверное, ему просто интересно стало с такой, как я, пообщаться, мою жизненную философию послушать. Может быть, он писатель какой или журналист. И может быть, даже очень известный. Вот поговорим мы с ним, а там, глядишь, по телевизору кино покажут про разбитую жизнь такой же несчастной невезучей бабы, как я. И может быть, где-нибудь в титрах будет написано: «Выражаю особую благодарность Старостенко Надежде Михайловне». Во Тамарка-то утрется! А то она своими родичами кичится: дескать, мы с Венькой и Калошей всеми брошенные и забытые, никому не нужные, а у нее родня есть, которая дочку ее воспитывает и на каждый праздник денег дает, то есть не забывает и уважает.

– Послушай, Михална, – внезапно перебил меня чумовой, – а как бы ты хотела умереть?

– Еще чего, – фыркнула я, – я не собираюсь пока.

– И не собирайся. Допустим, ты еще сто лет проживешь, но через сто лет как бы ты хотела, чтобы это выглядело?

Я задумалась. Как бы хотела умереть? Да черт его знает! Разве ж об этом думаешь? Самое милое дело – уснуть вечером и больше не проснуться. Или враз упасть замертво, только чтобы перед этим никаких болячек и приступов не было. Жить себе весело и радостно, с друзьями общаться, в гости ходить, пить-есть в свое удовольствие, а потом раз – и все. И никаких страданий. Примерно так я чумовому и объяснила.

– На это ты вряд ли можешь рассчитывать, – сообщил он мне отчего-то весело. – Твой образ жизни к здоровой и счастливой старости не располагает. Скорее всего знаешь как это будет? Ты хлебнешь какой-нибудь отравы, посинеешь вся, начнешь задыхаться, твои собутыльники перепугаются, бросят тебя одну и убегут. А ты будешь валяться где-нибудь в скверике или в подъезде, в своих лохмотьях, вонючая и немытая, с испитой рожей, и все прохожие, которые это увидят, будут брезгливо шарахаться от тебя, как от прокаженной. Тебе даже «Скорую» не вызовут. А если и вызовут, то врачи на тебя только глянут разочек, развернутся и уедут. Им об тебя мараться не захочется, в больницах и так мест нет и лекарств не хватает, тем более

в бесплатных. И будешь ты лежать на земле, как старый ненужный хлам, пока дух не испустишь. Тогда тебя заберут в морг. В морге ты еще какое-то время в холодильнике поживешь, а потом встанет вопрос: что с тобой делать? Родственников у тебя нет, друзей тоже, хоронить тебя некому и не на что. Твои Венки и Тамарки ведь на гроб и могилу не раскошелятся, сами копейки считают и бутылки по помойкам собирают. Стало быть, что? Стало быть, отправят тебя в анатомический театр, чтобы студенты на тебе тренировались вскрытие делать и внутренние органы изучать. Дадут тебе специальное имя, например, Дуська, и будут говорить: «Кто последний в очередь на Дуську? Мне строение черепа изучать надо». Радует тебя такая перспектива?

Ой, батюшки, что это он такое говорит? Как это я буду валяться в подъезде, потом в морге, потом в анатомичке? Почему это? Кто это сказал? Я даже дар речи на какое-то время потеряла. А он смотрит на меня и смеется:

– Что, Михална, нечего ответить? Правильно. Это все оттого, что ты о своей смерти как таковой никогда не думала. Мозги-то у тебя куриные, ты ж дальше ближайшего стакана дешевого портвейна не смотришь. А смерть – она всегда дальше, чем этот стакан. Вот если бы ты хоть раз о своей смерти задумалась, ты бы поняла, что все так и будет, как я тебе только что рассказал. И пока еще в твоей власти это изменить, если тебе такая картина не понравилась. Или понравилась?

И хитро так на меня смотрит. Вот чумовой, ну чумовой же, ей-богу. Как же такое может понравиться? Я ему так и ответила: мол, никакому нормальному человеку такое понравиться не может, и спрашивать нечего. Только не про меня это все, не может такого быть, чтобы со мной такое случилось. Я же не какая-нибудь там, не алкоголичка и не запойная. Да, я выпиваю, но я честная пенсионерка.

– Значит, не понравилось, – задумчиво говорит чумовой. – Ну что ж, самое время тебе, Михална, подумать над тем, что я сказал. Пока еще все в твоей власти, пока еще ты можешь это изменить и сделать так, что ТАКОЙ смертью ты не умрешь. Хочешь изменить?

– Хочу, – кивнула я послушно.

Ну наконец-то! Это ж сколько издевательств мне пришлось от него вытерпеть, чтобы он к главному подошел! Сейчас будет мне предлагать изменить свою жизнь, скажет, что хочет мне помочь и вытащить меня из того бедственного положения, в котором я оказалась. А я что? Я всегда пожалуйста, я всегда знала, что если мне кто-то поможет, кто-то мне даст шанс, то я еще ого-го! Ладно, пусть не замуж, но, может, работу какую-то чистую, несложную и высокооплачиваемую мне даст. Бывает, таким работникам фирма даже квартиру покупает. А если квартира и так есть, то на мебель средства выделяют.

– Точно хочешь? – зачем-то переспросил он.

– Точно, точно, – заверила я его.

От выпитого в голове такая ясность вдруг сделалась, что почудилось: с любой работой справлюсь, за любое дело возьмусь, даже самое сложное, пусть только в меня поверят и дадут возможность попробовать, я всем докажу, что Наденька Старостенко еще не кончилась.

– На все согласна?

– А то! И не сомневайся.

– Не передумаешь?

– Да ни в жизнь!

Ничего, Михална, сказала я себе, не трусь, сорок два года – это самый расцвет жизни. Может, все еще так переменится... У каждого свой шанс, и у таких, как я, он тоже бывает.

Чумовой как-то тепло на меня посмотрел и вдруг говорит:

– Знаешь, Надя, а тебе идет этот парик.

Глава 3

ЗАРУБИН

Оперативник Сергей Зарубин свою работу любил, и этим был похож на Настю Каменскую. Но в отличие от Насти он терпеть не мог сидеть в кабинете за столом и думать или, что еще хуже, сочинять бумажки. К сожалению, составление разного рода отчетов, справок и рапортов является неотъемлемой и весьма существенной частью оперативной работы, и эта часть Сергея всегда раздражала. Самое удивительное, что стиль и слог у него были превосходными, недаром он в детстве сочинял стихи, рассказы и на протяжении всех лет обучения в школе был бессменным редактором классной стенгазеты, читать которую бегали не только ребята из других классов, но даже и учителя. Но стенгазета – это стенгазета, ее сущность в том, что она должна быть «написана», а оперативная работа – это раскрытие преступления, и Сережа никак не мог взять в толк, почему поиски преступников должны быть неразрывно связаны с писаниной. Он не видел в этом здравого смысла и логики, а потому старался по мере возможности бумажной работы избегать. Он вообще легко делал любую работу, если понимал ее смысл и соглашался с ним. В противном же случае на него как будто ступор какой-то наваливался, мозги отказывались думать, а пальцы забывали, где какая буква расположена на клавиатуре пишущей машинки.

Поиск женщины «неопределенного вида и возраста», которая якобы передала Ваньке Жукову картонный плакатик вместе со столларовой бумажкой, был как раз той работой, которую Сережа Зарубин делать умел и любил. Сам факт «неопределенности» вида и возраста этой дамы с высокой степенью вероятности говорил о том, что искать ее надо среди арбатских алкашей. Весь вечер субботы и до обеда в воскресенье он шатался по узким кривым переулкам, не уставая поражаться тому, какая нищета, грязь и запустение царят в самом центре столицы, непосредственно соседствуя с элитными домами и многочисленными посольствами. «Свой» контингент Зарубин опознавал на глазок, но безошибочно, а некоторых знал в лицо и даже по именам. Милицейскую карьеру он начинал именно здесь, в отделении милиции, обслуживающем район Арбата. Поэтому вступать в разговоры и собирать информацию ему было нетрудно.

Но с информацией в первое время не везло. Зарубин узнал много нового и интересного о характерах и привычках тех, кто «держит» здесь магазины, лотки и лотереи, однако ничего существенного о женщине, на которую внезапно свалилось приключение с долларами, он пока не услышал. Это было странно. Сергей неплохо знал нравы и обычаи алкогольной среды и не мог поверить, что сильно пьющая особа не рассказала о таком приключении своим собутыльникам в тот же день и в тот же час. Если все рассказанное Жуковым было правдой, если действительно деньги и плакат ему дала неизвестная женщина, которая, судя по ее виду, никак не может быть ни автором текста на плакате, ни обладателем «лишних» ста долларов, то, стало быть, ее наняли. А найм рабочей силы подразумевает его оплату. Более того, учитывая особенности самой женщины, работодатель должен был быть уверен в том, что она задание выполнит, а не смоеется в следующую же секунду, унося в кармане заветную зеленую купюру. А это непременно произошло бы, если бы за услуги он предложил женщине сумму меньшую, нежели та, которая полагалась Ваньке. Нет, ей он должен был заплатить больше, иначе она наверняка сбежала бы с деньгами. Выходит, вчера в среде арбатских алкашей обязательно должна была мелькнуть эта огромная сумма. Даже если женщина-пьянчужка проявила невиданную для алкоголички осторожность и прижимистость, даже если она и не рассказала, какие у нее теперь есть деньги, то уж угощение-то обязательно выставила для ближайшего окружения. Это

ведь неперенная и неизменная характерная черта таких людей: как только заводятся деньги, они начинают угощать друзей, а иногда и всех подряд, ибо для них роль угощающего хозяина символична и означает возвышение, пусть и временное. У вас ничего нет, а у меня есть, потому что со мной еще не все кончено, потому что я еще что-то могу, мне улыбается удача, мне подвалил шанс, меня одного судьба из всех вас выбрала и своим благословением отметила.

Но о том, что кто-то из местных в субботу угощал на неизвестно откуда взявшиеся бабки, Зарубин не слышал ни слова. И вывода отсюда могло быть только два. Либо женщина была не из арбатских, либо ее уже нет в живых. Думать так не хотелось, потому что тогда вся ситуация сразу усложнялась. Что значит «не из арбатских»? Вряд ли она приехала сюда из другого района Москвы, алкаши путешествовать не любят. За проезд нужно платить, а это дорого. Можно не платить, но есть опасность нарваться на штраф, и тогда выйдет еще дороже. Пешком идти – сил нет. Да и стимула тоже. Зачем ей было приезжать сюда из своего района? Медом тут не намазано, а количество пустых бутылок не больше, чем всюду. Если только в гости к кому-то приезжала. И тогда мало шансов ее найти, для этого нужно поголовно опрашивать все население от Пречистенки до Большой Никитской, не приходила ли к ним в гости в субботу некая дама и не рассказывала ли она о неожиданно свалившихся на нее деньгах. Или не рассказывала (что вполне вероятно), но вела себя необычно, была радостно возбуждена или, наоборот, чем-то озабочена, взволнована. Работы на год.

Есть еще один вариант, объясняющий, каким образом на Новом Арбате могла оказаться «залетная» пьянчужка. Но этот вариант, при том, что был вполне логичным, не выдерживал никакой критики. Загадочный работодатель (или даже работодательница) мог привезти ее с собой, заранее подумав о том, что ему (или все-таки ей?) будет нужно подставное лицо для контакта с тем, кто поднимет плакат. Но это уже выходило за рамки нормального, доступного человеку планирования: выходило, что работодатель знал, какая будет передача, с какого места Москвы будет идти прямая трансляция и кто будет гостями в студии. Предположим, у него есть знакомые в «Останкино», вероятно, даже среди сотрудников телеканала, и все это он мог узнать. Но тогда логично было бы и плакатик припасти заранее, приготовить его дома, на нормальной бумаге, прикрепить с двух сторон палки, на которые бумага накручивается и при помощи которых его так легко поднять над головами столпившихся людей. Человек, который склонен ко всему готовиться загодя, именно так и поступил бы. Ан нет, плакат был написан на длинном куске картона, оторванном от упаковочного ящика. Ребята из местного отделения сразу же после инцидента прошустрили все мусорные контейнеры в округе и нашли-таки пустую упаковку из-под холодильника, от которой и был оторван кусок. Не поленились, даже плакат к месту отрыва приложили. Подошло идеально. Выходит, таинственная личность, стоявшая за спиной пьянчужки, не готовилась к своей выходке заранее, а придумала ее прямо по ходу, увидев, что идет трансляция. Стало быть, пьянчужку он с собой не привозил, а встретил прямо здесь, на Арбате.

А если этой женщины уже нет в живых, тогда дело совсем плохо. Во-первых, это убийство, иными словами – лишение жизни себе подобного, и это всегда плохо независимо от характеристики жертвы. Во-вторых, это сразу отмечает такую привлекательную версию о дурацкой шутке сумасшедшего миллионера. Когда человек просто шутит, он обычно не убивает свидетелей.

Похоже, самые худшие подозрения начали подтверждаться, потому что давно известный Зарубину алкаш и воришка Вениамин Польников, более известный как Венька Бритый, которого Сергей разыскал в воскресенье около четырех часов дня, заявил:

– Сам я жив-здоров, слава богу, да и наши все пока в порядке. Тамарку помнишь?

– А как же, – улыбнулся Сергей.

– Ну да, – ухмыльнулся Вениамин, – тебе да не помнить Тамарку. Это ж ты ее родительских прав лишал.

– Не я, а суд, – поправил оперативник.

– Ой, да ладно, знаем мы эти ваши суды. Если б ты на нее бумажки не писал, никакой бы суд не почесался.

– Это верно. А ты никак в претензии, недоволен?

– Да не, мне что, – губы Бритого растянулись в подобии улыбки, обнажив гнилые зубы, – мне даже и лучше. Когда дитё под боком, не больно разгуляешься. А так хата пустая, пей-спи – не хочу.

– А сама Тамарка как? По дочке не скучает?

– Тамарка-то? – Бритый расхохотался. – Да она про дочку вспоминает, только когда слезу вышибить надо из кого-нибудь. Какая она несчастная, радости материнства лишённая, от дитя родного оторванная. Ну и еще по праздникам всяким, когда родня деньжат подкидывает. Говорит: пусть мне платят, а не то дочку назад отберу. Вот вчера у нее именины были, гуляли на полную катушку.

– И много вас гуляло? – поинтересовался Зарубин исключительно для поддержания разговора, думая о другом.

– Нас-то? Щас сочту. – Польников наморщил лоб и принялся загибать пальцы. – Ну, мы с Тамаркой – это два. Хахаль ейный – три... Так... Так... Еще трое – стало быть, вместе шесть выходит. Надьку еще ждали, но она, сука, не пришла. Побрезговала, видать.

– Какая Надька? – насторожился Зарубин.

– Да Надька Танцорка. Не помнишь, что ли? Маленькая такая, тощенькая, смотреть не на что. Из балета она.

Зарубин вспомнил. Про Надьку Танцорку он слышал еще тогда, когда работал на этом участке, но лично с ней знаком не был. Не пришла на день рождения к подруге-собутельнице, на халявную выпивку и закуску... Очень любопытно.

– А чего ж она не пришла? – спросил он, не скрывая интереса. – Может, не знала про именины? Или забыла, а ей никто не напомнил?

– Пряма-таки, забыла она, – презрительно фыркнул Вениамин. – Да я лично вон в том самом переулке ее встретил вчера и сказал насчет Тамарки. Забыла! Как же.

– Ладно, ты ей сказал. А она что?

– Помялась и говорит: приду.

– Она одна была?

– Одна как есть.

– И что же она там делала, когда ты ее встретил?

– Господи, да то же, что и всегда. Бутылки собирала.

– Да, некрасиво вышло, – покачал головой Зарубин. – Получить приглашение на день рождения к подруге и не прийти – это действительно свинство.

– Вот! А я что говорю? Сука и есть.

– погоди, Вениамин, не суди сразу. Может быть, у нее важная причина была, а ты сразу в обиду кидаешься. Как она объяснила, почему не пришла к Тамарке?

– Да никак она не объясняла, – вспыхнул Бритый. – Я ее вообще с тех пор не видел.

– Так ты бы домой к ней зашел. Вениамин, я тебя не понимаю, – строго сказал Сергей, – твоя приятельница, я бы даже сказал – добрая знакомая пообещала прийти на день рождения и не пришла. И ты даже не поинтересовался, что случилось. А вдруг она заболела, лежит и встать не может? Она ждет, что ты, ее друг, забеспокоишься, станешь ее искать, придешь навестить, лекарства купишь или там врача вызовешь. А ты слоняешься по улицам и называешь ее сукой. Не дело это, Вениамин. Мужчины так не поступают. А друзья тем более.

Зарубин знал слабое место Бритого. В прошлом школьный учитель, Польников всегда всех поучал, требуя от людей, с которыми общался, соблюдения кодекса чести, в котором на первом месте стояли дружба, взаимная поддержка и взаимовыручка. Сейчас ему уже под пять-

десять, в школе он не работает лет двадцать, но педагогические привычки Вениамин сумел как-то сохранить, несмотря на двадцать лет беспробудного пьянства. Слова оперативника заставили его посерьезнеть.

– Может, конечно, и заболела... Вообще-то она здоровая, как я не знаю кто, никакая хворь ее не берет. И правда, надо пойти проведать.

– Хочешь, я с тобой схожу? – предложил Зарубин. – Мне все равно в ту сторону надо.

Он не имел ни малейшего представления о том, в какую сторону нужно идти к дому Надьки Танцорки, но Бритый на это внимания не обратил. В конце концов, Зарубин ведь не сказал, что не знает Надьку, а коль знает, то и адрес знает, это само собой.

– Пошли, – кивнул Польников, – в случае чего ты ей «Скорую» вызовешь, ладно? Ты мент все-таки, тебя они послушают.

Они не торопясь дошли до Малого Власьевского переулка и вошли в воняющий испражнениями подъезд. Квартира Танцорки находилась на втором этаже. На звонок никто не открыл, на стук тоже.

– Во! – обиделся Бритый. – Ее и дома-то нет, а ты говоришь – заболела. Шляется небось где-нибудь. Ну точно – сука. Она всегда такая была. Мы народ простой, а она, блин, балерина. Балерина Грета из государственного балета. Всегда нос воротила, всегда выше нас себя считала. Потому и к Тamarке не пришла.

– погоди, – остановил его Сергей, – не гони волну. Ведь в прошлом году она приходила к Тamarке на день рождения?

– Ну.

– И в позапрошлом?

– Ну.

– И в ваших гулянках всегда участвовала?

– А то как же.

– И вас к себе домой звала?

– Непременно. Вообще-то ты прав, она всегда ходила. А вчера вот не пришла почему-то...

– То-то и оно. Может быть, ей там так плохо, что она встать не может. Знаешь, есть такие болезни, когда человек в сознании, а сил нет подняться с кровати. Или ногу сломала и ходить не может. А может, она вообще сознание потеряла, а мы тут с тобой стоим и ее обсуждаем. Вениамин, ты рожи-то мне не строй, я же знаю, что у тебя ключи есть от этой квартиры. Доставай, не стесняйся.

– Ты что, начальник, – забормотал Бритый, – откуда у меня ключи... Да я никогда...

– Валяй открывай, – махнул рукой Зарубин. – Я разрешаю. Под мою ответственность.

Насчет «точного знания» он, конечно, блефовал, но зато точное знание характера Вениамина Польникова у Сергея было. Как только Венька заговорил о том, что Танцорка «брезгует и задается», оперативник понял весь расклад. Польников считал себя неотразимым внешне и неповторимым в сексуальном плане. Он до такой степени считал себя Мужчиной с большой буквы, что ежедневно брился утром и вечером, несмотря на насмешки окружающих. Этим и прозвище свое заслужил. Все женщины, по его мнению, должны быть от него без ума, поскольку он обладает настоящим мужским характером и огромной потенцией. Единственный его недостаток – социальный статус. Статус немного подкачал, что есть, то есть. Но во всем остальном он даст фору кому угодно. Поэтому если женщина его отвергает, несмотря на все имеющиеся достоинства, то причина этому может быть только одна: она задается, ее именно социальный статус Бритого и не устраивает.

Коль Бритый был любовником, или, выражаясь языком милицеских протоколов, сожителем Надьки Танцорки, то он наверняка умеет открывать дверь ее квартиры. Ключом ли,

полученным от самой хозяйки, или маникюрными ножницами – значения не имеет. В данном случае оказались именно ножницы.

– Надь! – крикнул Польников, открывая дверь и делая шаг в прихожую. – Надь, ты дома? Квартира была пуста.

– Шляется! – со злорадным удовлетворением констатировал Вениамин. – Я так и знал. Такие, как Надька, никогда не болеют. Сволочь тонконогая!

Сергей обошел запущенную донельзя комнату, оглядывая обстановку. Глаза его зацепились за яркие пакеты, лежащие на полу. Здесь же валялись отрезанные бирки и кассовые чеки. Он поднял их и принялся внимательно рассматривать. Понять, что написано на бирках и от какого они товара, Зарубин не смог, зато в чеках разобрался быстро. Через минуту он уже знал, какого числа, в каких магазинах и на какую сумму все это было куплено.

– Смотри-ка, – окликнул он Бритого, который воспользовался случаем и уже шарил в хозяйском шкафу в поисках спиртного, – подруга твоя прибрахлаилась не далее как вчера.

– Чего? – не понял Вениамин, поскольку внимание его было сосредоточено на содержимом кухонных шкафчиков.

– Шмоток, говорю, твоя Надька вчера накупила без малого на десять тысяч рублей.

Польников прискакал из кухни, выпучив глаза.

– На сколько, на сколько?

– На десять тысяч.

– Это по-старому на десять «лимонов», что ли?

– Именно. Она у вас, оказывается, богатенькая.

– Да ты чего, – искренне возмутился Бритый, – у ней пенсия копеечная и никаких дополнительных источников. У нее даже телефон отключили, потому что она за него год не платила. Откуда у нее такие деньги?

– Вот и я хотел бы знать, – задумчиво проговорил Зарубин. – И откуда у твоей Танцорки такие деньги? Придется ее поискать и спросить. Может, она обокрала кого?

– Да ты чего, – но прежней уверенности в голосе Бритого уже не слышалось, – Надька не воровка.

– Тогда откуда деньги? Ну объясни мне, Вениамин, только просто, четко и доходчиво, откуда у нищей, пьющей пенсионерки могут вдруг появиться такие деньги?

Вениамин напряг мыслительный аппарат, и через некоторое время лицо его прояснилось.

– А бывший муж объявился или богатые родственники!

– Складно, – кивнул Зарубин. – Надька была замужем?

– Вроде нет...

– Так вроде или точно?

– Говорила – нет.

– А родственники богатые у нее есть?

– А я почему знаю? – окрылся Бритый. – Может, и есть. Только она о них ничего не говорила.

В ходе непродолжительной, но четко организованной дискуссии быстро выяснилось, что таким сказочным путем Танцорка денег получить не могла. Точнее, выяснилось это только для Зарубина, ибо ум его был трезвым. Бритый же продолжал пребывать в уверенности, что Надьке «привалило» и с ней случилось именно то, о чем мечтает в глубине души каждый алкаш и вообще каждый опустившийся человек. Пребывание в пропасти оказалось временным, и вот она – протянутая с неба рука помощи, уцепившись за которую можно снова подняться.

Беглый осмотр комнаты позволил Зарубину найти документы, из которых он и узнал, что хозяйкой этой квартиры является Старостенко Надежда Михайловна, 1956 года рождения, русская, уроженка города Семипалатинска, незамужняя и не имеющая детей. У Сергея мелькнула нехорошая мысль сунуть паспорт в карман, чтобы показать Ване Жукову фотографию,

но он быстро понял бессмысленность затеи. На фотографии Надежде Старостенко было двадцать пять лет, а сейчас ей сорок два, из которых она, если судить по пенсионной книжке, пьет лет шесть-семь, причем пьет так интенсивно, что почти потеряла человеческий облик. Именно семь лет назад Старостенко ушла из театра на пенсию. И если верить Польникову, после театра она работала на железной дороге, где, собственно, и спилась до такой степени, что ее просто выгнали.

Нашлись, правда, и более поздние фотографии, но все это были групповые снимки, запечатлевшие сцены из балетов, где лица были мелкими и загримированными. В таких случаях не обойтись без самой хозяйки, которая, с гордостью показывая снимок, говорит: а вот здесь двенадцатая справа – это я в «Спящей красавице». И при этом невозможно понять, чем двенадцатая отличается от одиннадцатой и тринадцатой, у всех одинаковые костюмы, одинаковые прически и одинаковые лица.

ОБРАЗЦОВА

Татьяна крепилась изо всех сил, чтобы не выказывать тревогу. И дело было не в том, что она пыталась, как говорится, сохранить лицо. Она не хотела беспокоить мужа и жалела Ирочку, свою родственницу, которая вообще бесстрашием не отличалась и начинала нервничать по каждому пустяку. Весь вечер субботы и утро воскресенья ей удавалось, и довольно успешно, делать вид, что все случившееся – не более чем глупая шутка с изрядным налетом черного юмора. Стасов этому спектаклю вполне поддался, но Ирочка продолжала волноваться и ни о чем, кроме картонного плакатика, говорить не могла.

Однако в воскресенье днем ситуация начала меняться. Они как раз заканчивали обедать, когда позвонила Настя.

– Зарубин ее нашел, – сказала она.

– Ну и?

– Установил имя и место жительства. Сама мадам где-то скрывается.

– Как же можно быть уверенным, что это она? – В Татьяне проснулся следователь, который в таких вещах на интуицию не полагается. Следователю нужно знать точно, чтобы делать правильные выводы. – Фотография есть, чтобы предъявить мальчишке?

– Фотографии очень старые, они не годятся. По крайней мере так считает Зарубин.

– Тогда с чего он взял, что это она?

– Она вчера не пришла на день рождения к подруге, хотя ее звали и ждали. И сегодня ее никто не видел. Зато в квартире у нее явные следы внезапно свалившегося богатства. Кассовые чеки из магазина на общую сумму без малого десять тысяч рублей, и число на чеках вчерашнее. Эта мадам – бывшая балерина, маленькая и худенькая. Именно так ее описал Жуков. Кстати, по сведениям из почти достоверных источников, вчера в интересующее нас время она околачивалась в Большом Николопесковском переулке, совсем рядом с Новым Арбатом. Так что и алиби у нее нет.

– Понятно, – протянула Татьяна. – Ладно, подождем. Держи меня в курсе.

Она помогла Ирочке убрать на кухне после обеда и, одев сынишку и усадив его в колясочку, отправилась на улицу. Тревога становилась все острее, и ходьба была единственным способом хоть как-то успокоиться.

«Угадай, где ты встретишься со смертью». С чьей смертью? Со своей? Со смертью близких? Папа, совсем старенький, живет в Петербурге. Она не сможет его защитить. Ира? Молодая, боязливая, осторожная. Да, на случайные контакты она не пойдет, уже научена, обожглась в прошлом году так, что на всю оставшуюся жизнь хватит. Но ведь она женщина, слабая женщина, она защитить себя не сможет. Стасов? И за него нельзя не бояться. Он, конечно, здоровенный, сильный, опытный. Но от пули защиту еще не придумали. И от взрыва тоже. Здесь

скорость бега, точность удара и высота прыжка особой роли не играют. Гришенька? Об этом даже думать страшно. Говорят, если часто думать о какой-то беде и бояться ее, то она обязательно случится, потому что злая мысль материальна. Татьяна не знала, так это или нет, но, когда дело касается единственного ребенка, начинаешь верить всему.

Погруженная в свои мысли, она даже не замечала, какая погода. Сияло холодное октябрьское солнце, небо было ясным и бледно-голубым, но у Татьяны было такое чувство, будто идет проливной дождь. То и дело ее охватывала щемящая тоска, которая всегда приходила к ней в дождливую погоду. Как хорошо было еще вчера утром! Конечно, у работы следователя есть свои издержки, трудности и проблемы, но как бы много этих проблем ни было, разве может это сравниться с тем, когда тебе угрожают? Открыто, недвусмысленно. И не знаешь, откуда ждать беды.

– Танечка! – послышался совсем рядом знакомый голос.

Она очнулась и увидела Андрея Тимофеевича, своего соседа. Статный, подтянутый, в длинном зеленовато-сером плаще из нубука, он сейчас вовсе не производил впечатления грубоватого и простоватого мужичка, каким обычно казался. Накануне вечером он заходил к ним выразить сочувствие и поинтересоваться, чем дело кончилось. Говорил, что смотрел передачу («Ну как же я мог ее пропустить? Вы же мне не чужая, и с вашей подругой я вроде как знаком»).

– А я с вами рядом уже давно иду, – радостно сообщил сосед. – Вы так задумались, что ничего вокруг не замечаете.

Татьяна смущенно улыбнулась:

– Извините.

– Ну что вы, что вы, – замахал руками Андрей Тимофеевич, – я ведь понимаю, на вас такая неприятность свалилась. Кстати, какие новости? Что-нибудь стало известно?

– К сожалению, почти ничего.

– Почему почти? Значит, что-то все-таки есть?

– Совсем немного. Выяснилось, что одна сильно пьющая женщина, которая живет в районе Арбата, вчера внезапно разбогатела и куда-то пропала. Может быть, это она дала мальчику плакат и деньги. А может быть, и не она. Пока ее ищут, когда найдут, тогда узнаем.

Сосед некоторое время молча шел рядом. Когда до дома, где они жили, оставалось метров двадцать, он снова заговорил:

– Танечка, я понимаю вашу тревогу, да вы и сами вчера говорили, что угроза адресована непонятно кому. Может быть, вам, может быть, вашей подруге Анастасии, а может быть, не лично вам, а вашим близким. Я пенсионер, свободного времени у меня достаточно. Хотите, я буду опекать Ирину? Вы с Владиславом Николаевичем целый день на работе, а она одна дома с вашим ребенком. Согласитесь, это ведь две потенциальные жертвы, причем совершенно беззащитные.

– Андрей Тимофеевич!.. – Татьяна попыталась прервать его, настолько чудовищной показалась ей сама мысль о том, что таинственный незнакомец выбрал жертвой Иру или Гришеньку. Ей было страшно слышать произнесенные вслух слова, которые она боялась сказать себе сама.

– Надо смотреть правде в глаза, – очень серьезно ответил сосед. – Я понимаю, вам неприятно это обсуждать, но дело есть дело. К нему и перейдем. Я готов сопровождать Ирину каждый раз, когда она будет выходить из дома, например, за покупками или на прогулку с вашим сыном. Можете также проинструктировать ее, чтобы она никому не открывала дверь, не позволив предварительно мне по телефону. Я сам выйду из квартиры и посмотрю, кто пришел.

– А вы не боитесь стать жертвой вместо Иры? – криво усмехнулась Татьяна.

– Не боюсь. И не забывайте о том, что у меня крупная собака.

– Вы не похожи на Джеймса Бонда. И, простите, Андрей Тимофеевич, вам уже немало лет. С вами справиться будет не труднее, чем с моей Ирочкой. А ваш замечательный дог Агат – собака не служебная, она, конечно, может испугать своим видом и рыком, но не защитит.

Они вошли в подъезд и остановились, ожидая, пока лифт спустится вниз. Сосед снова замолчал и заговорил, только когда они вышли из лифта на своем этаже.

– Я вам хочу сказать две вещи, Татьяна Григорьевна. – Он внезапно перешел на официальный тон, и голос его был холоден и строг. – Первая: если преступник молод и силен, он, вероятнее всего, легко справится со мной. Но почему вы решили, что он молод и силен? Вы полагаете, люди немолодые годятся только на то, чтобы сидеть на печи и нянчить внуков, а совершение преступлений – удел молодых? И второе: вы меня недооцениваете. Засим позвольте откланяться.

Татьяна от неожиданности застыла на месте, а Андрей Тимофеевич открыл замок своей квартиры и скрылся в темной прихожей. Почему-то она ожидала, что сосед хлопнет дверью. Но дверь закрылась почти бесшумно.

Около девяти вечера снова позвонила Настя.

– Зарубин установил, какие вещи приобрела наша мадам. Кстати, ее фамилия Старостенко. Полное дамское обмундирование, начиная от трусиков и бюстгалтера и заканчивая париком, плащом и туфлями. На чеках пробивается название магазина, и Сережа поднял на ноги всех продавщиц. В квартире валялись бирки от одежды, продавщицы по этим биркам написали ему полный перечень: что, из какой ткани, какого цвета и размера, чье производство. Только загвоздка вся в том, что Старостенко эти вещи не покупала.

– То есть как? Украла, что ли?

– Таня, побойся бога, там же кассовые чеки были, – возмутилась Настя. – Все оплачено. Только не ею.

– А кем?

– В том-то и фокус. Продавщицы эти покупки очень хорошо помнят, потому что редко бывает, чтобы покупатели выбирали полный гардероб. А тем более сейчас, когда все подорожало в три-четыре раза. Эти покупки делали две девушки, по виду и акценту – приезжие, откуда-то с юга.

– С Кавказа? – уточнила Татьяна.

– Нет, из Украины или с юга России. Ставрополь, Ростов, Краснодар – что-то в этом роде. Фрикативное «г», и интонация к концу фразы вверх уползает.

– Странно... – Татьяна помолчала. – Какая связь может быть между арбатской алкоголичкой в возрасте за сорок и приезжими девушками? Не могла же Старостенко попросить их сделать эти покупки!

– Не могла, – согласилась Настя. – Ни один нормальный человек, а тем более бедствующий, не отдаст такую сумму чужим людям под честное слово. А вдруг они обманут и скроются с деньгами? Хотя сам факт такой просьбы вполне объясним. Старостенко видит себя в зеркале и понимает, что, если сунется в приличный магазин, ее поднимут на смех. Или выгонят сразу же из примерочной. И будут орать, чтобы она не трогала дорогие вещи грязными руками. Она действительно могла постесняться зайти в магазин. Но я не верю, что она могла отдать такие деньги двум первым попавшимся девчушкам.

Вывод был ясен как белый день. Девушек попросили купить все необходимое, но сделала это не пропавшая Старостенко. Это сделал тот, кто заплатил ей за услугу. Тот, кто сочинил текст на плакате. Тот, кто не хотел, чтобы продавщицы в магазине его запомнили.

– Настя, – спросила Татьяна после минутной паузы, – а зачем все-таки этот цирк? Если есть кто-то третий, он заплатил Старостенко за услугу и отбыл в неизвестном направлении. У него голова не должна болеть о том, как и на что она потратит деньги. А у нас с тобой

получается, что он не только заплатил, но и приложил определенные усилия к тому, чтобы эта арбатская пьянчужка оказалась хорошо одетой. Почему?

– Я не знаю, – вздохнула Настя. – Я чувствую, что именно здесь что-то не склеивается. Именно здесь кто-то зарыт. Вероятно, собака, – мрачно пошутила она.

– Или крыса, – добавила Татьяна. – В общем, дорогая, придется признаться себе, что мы столкнулись не с шутником. Это существо серьезное и с далеко идущими планами. Как ты думаешь, сколько дней пройдет, пока он снова не подаст голос?

– Дня три, наверное, – предположила Настя. – Может, два.

Но она ошибалась.

КАМЕНСКАЯ

В понедельник утром, как обычно, состоялась оперативка у Гордеева. Виктор Алексеевич выглядел неважно, и все сотрудники отдела понимали, что как ни оттягивал он решение проблемы госпиталя, но момент вот-вот настанет. Или уже настал. Колобок в последнее время частенько принимался массировать левую сторону груди или левую руку, на его рабочем столе то и дело можно было заметить упаковку валидола, и, хотя он никогда вслух не жаловался, все понимали, что это означает.

– Перейдем к неприятному, – сказал полковник в самом конце. – Все вы знаете, какой инцидент случился в субботу с Анастасией.

Все закивали, некоторые вполголоса поддакнули.

– Ну что ж, тогда в детали вдаваться не буду. В субботу и воскресенье сотрудники Центрального округа искали женщину, которая дала мальчишке плакат и деньги. И сегодня ночью ее нашли.

Он выдержал драматическую паузу, при этом глаза его были устремлены не на подчиненных, а в окно, за которым моросил холодный дождь. Насте захотелось крикнуть: «Ну что? Что эта женщина сказала? Говорите же скорее!», но она прикусила язык. Колобок не молчал бы сейчас, если бы... Одним словом, все понятно. Ее нашли, но рассказать она уже ничего не может. Все развивается по самому плохому варианту. Шутник убирает свидетелей, и это означает, что намерения его куда как серьезны.

Примерно то же самое сказал и Гордеев, когда соизволил оторвать взгляд от окна. Еще он поведал, что нашли Надежду Михайловну Старостенко за городом, в лесу, неподалеку от дороги. Смерть наступила около 23 часов в субботу от огнестрельного ранения в область сердца. При ней не было документов, и поскольку о ее исчезновении никто в милицию не заявлял, тело так и пролежало в морге. И только в воскресенье вечером, когда стало известно, что разыскивается женщина сорока двух лет с полным описанием одежды и парика, Зарубину сообщили о подходящем трупе. Убитая была опознана своими знакомыми как Старостенко, и теперь оставалось выяснить, та ли это «тетка неопределенного вида и возраста», которая контактировала с Ваней Жуковым.

– Этим сейчас занимается следователь, который возбудил дело. Поскольку труп найден на территории области, следователь областной. Если выяснится, что потерпевшая причастна к субботнему инциденту, тогда будут решать, создавать ли группу с нашим участием. Я с завтрашнего дня ложусь в госпиталь, Коротков остается за старшего. Если поступит команда создавать группу, работать будут Доценко и Каменская. Если команды не будет, работает одна Каменская. То есть ты, Анастасия, включаешься в любом случае, поскольку это лично тебя касается. Если вопросов больше нет, все свободны, кроме Каменской.

Пока сотрудники выходили из кабинета, бросая на Настю сочувственные взгляды, она перебралась поближе к столу начальника. Вообще-то она предпочитала сидеть в углу в своем любимом продавленном почти до пола кресле, и в этих случаях Виктор Алексеевич обычно

выходил из-за стола и расхаживал по кабинету, так ему лучше думалось. Но, судя по его виду, сегодня он вставать не собирался, чувствовал себя полковник явно не лучшим образом, потому Настя и решила нарушить традицию и пересест поближе.

– Я не могу понять, что он задумал, – сказал Гордеев, когда они остались одни. – Но ты должна мне это объяснить.

Настя растерялась:

– Откуда же я могу знать? Виктор Алексеевич...

– Не морочь мне голову. – Гордеев поморщился, рука его машинально потянулась к груди, но он отдернул ее. – Картина ясная. Некто хочет свести личные счеты. Либо с тобой, либо с женой Стасова. И вы обе должны напрячь свои скудные мозги и вспомнить всех, кто может возыметь желание поквитаться с вами. Ты меня поняла, Настасья? Вы обе, – он снова сделал паузу и перевел дыхание, – должны вспомнить всю свою жизнь, перебрать по часам и минутам и найти в своем прошлом человека, которого вы обидели и который может все это сейчас затеять. Может быть, ты его нашла, может быть, Образцова его посадила, может быть, это ваши отвергнутые любовники. Я не знаю. Но вы... – Снова пауза. – Вы должны знать. И когда либо ты, либо она такого человека найдете, вы должны сделать все, чтобы он был немедленно задержан. Насчет скудности твоих мозгов я сказал так, для красного словца. Поскольку они у тебя не скудные, ты наверняка все это продумала еще вчера. И вспомнила такого человека. Допускаю, что ты вспомнила даже нескольких. Более того, ты наверняка обсуждала ситуацию с Образцовой, и не один раз, и она тоже таких вспомнила. И после этого вы обе думали, чего от них ждать. Вы вспоминали их имена, привычки, образ жизни, стиль мышления. Вы пытались понять, кто из них может сделать то, что сделал этот Шутник, а кто не может. Кого-то отсеяли. Кто-то остался под подозрением. И со всем этим багажом ты сидишь сейчас передо мной, делаешь невинные глаза и спрашиваешь: «Откуда же я могу знать?»

Он так умело скопировал ее интонацию, что Настя не выдержала и рассмеялась, хотя ей было совсем не весело.

– Виктор Алексеевич...

Но Гордеев прервал ее слабым движением руки.

– Я тебя для чего оставил? Не для того, чтобы давать тебе задания. Между нами разница теперь всего в одну звезду, ты сама большая девочка, все знаешь и все умеешь. Я оставил тебя для того, чтобы дать тебе совет. Я когда о труп Старостенко вам рассказывал, уже по лицу твоему увидел все, о чем ты будешь думать в ближайшие пятнадцать минут. Хочешь, скажу?

Настя молча кивнула.

– Ты стала думать о том, что кто-то хочет свести с тобой счеты и затеял какую-то игру, но в ходе игры погибла женщина. Пусть алкоголичка, пусть никому не нужная, пусть по ней никто не заплачет, но ценность человеческой жизни измеряется ведь не этим. То есть за то, чтобы отомстить тебе, лично тебе, Анастасии Каменской, заплачена такая цена. Выходит, ты слишком сильно обидела этого Шутника. И дальше выходит, что в смерти этой несчастной виновата именно ты. Если бы ты его не обидела, он не стал бы мстить, если бы он не затеялся мстить, Старостенко была бы жива. Может быть, дело тут не в тебе, а в Татьяне Образцовой, но ты на всякий случай уже чувствуешь себя виноватой. Я прав?

Настя посмотрела ему в глаза и поежилась.

– Да, вы правы.

– А ты не удивляйся, – Колобок мягко усмехнулся, – я пока еще мысли твои читать не научился, зато жизнь прожил долгую и опыта набрался. Ситуаций, в которых я чувствовал себя виноватым, было огромное множество. И, немножко зная твой трепетный характер, я вполне смог предположить, как и о чем ты будешь думать. Так вот, хочу на этот случай дать тебе совет. Даже если выяснится, что Старостенко погибла из-за тебя, не делай из этого всемирную

трагедию. Просто посмотри на ситуацию со стороны, поднимись над ней, и ты увидишь, что дело не в тебе.

– А в ком?

– В нем. В том, кто это сделал. Если человек так скроен и сшит, что ставит свою обиду в центр мироздания и готов мстить именно таким чудовищным способом, то он этим способом и с таким же остервенением мстит всем, кто его обидел. Не обязательно тебе и не только тебе. Если бы его не обидела ты, это сделал бы кто-нибудь другой, потому что его душа чрезмерно ранима, самолюбие непомерно высоко, а эгоизм вообще переходит всякие разумные границы. Такие люди чувствуют себя обиженными по двадцать пять раз в сутки, и список их личных врагов ежедневно пополняется. Но он не может свести счеты со всеми, потому что врагов слишком много. И он выбирает кого-то одного. С кем легче справиться. До кого проще добраться. Или просто кто под руку подвернулся. Вся ситуация говорит о том, что замысел у нашего Шутника возник случайно, а это означает, что ты просто подвернулась ему под руку. Он шел по Калининскому... то есть по Новому Арбату... не привыкну никак к этим переименованиям... Шел, шел и вдруг увидел толпу и телевизионные камеры. Подошел, глянул на монитор, а там ты. Вот и все. Он бы все равно мстил, не тебе, так кому-нибудь другому, потому что он так устроен. И если бы нужно было для облегчения своей затеи кого-то убить, он бы все равно убил, потому что он злобная, мстительная сволочь. А ты, деточка, никак не можешь быть виновата в том, что он такой. Поверь мне, я не сразу стал таким умным. Я тоже много лет убивался и переживал, когда мне казалось, что я виноват в чьей-то смерти. И только ближе к старости я научился быть логичным и не искать свою вину там, где ее нет. Тем более еще неизвестно, кому он мстит, этот урод, тебе или Образцовой. Так что ты иди, Стасенька, подумай над тем, что я сказал, и подружке своей Татьяне объясни, если она сама этого не понимает. И думайте, девочки, думайте. Вычисляйте его, моделируйте, ищите. Наша гордость задета, наша профессиональная честь. Его надо найти как можно быстрее и устроить показательный процесс, чтобы другим неповадно было проверять, насколько мы умные.

Настя вернулась к себе и тут же позвонила Татьяне на работу. Та сняла трубку не сразу, и голос у нее был сухой и отстраненный. Вероятно, в кабинете были посторонние.

– Таня, это я. Можно два слова?

– Полтора, – жестко ответила Татьяна. – У меня люди.

– Ее убили, – коротко сообщила Настя.

– Я поняла, – так же коротко сказала Татьяна и повесила трубку.

Глава 4

БАБУШКА УБИЙЦЫ

Ну что ж, на пороге своего семидесятипятилетия я могу подвести итог и признать, что прожила свою жизнь достойно. И воспитала достойного внука, который не уронил чести нашего рода. Но один Всевышний знает, чего мне это стоило и через какие испытания пришлось пройти нашей семье. Воспитание не позволяло мне открыто демонстрировать свои чувства, и только мой покойный муж представлял, правда, частично, что я испытывала, когда честь семьи была поставлена под угрозу. Но полагаю, что супруг мой чувствовал то же самое.

На протяжении ста пятидесяти лет в нашем роду Данилевичей-Лисовских не было ни одного мезальянса. Из поколения в поколение мы вступали в браки только с равными себе по уровню образования. Ученые, писатели, медики, университетские профессора. Никаких разnochинцев, никаких купеческих отпрысков, никакой сомнительной публики. И уж тем более никаких политиков и революционеров. Каждый, кому дозволялось породниться с нами, должен был быть достоин нашего рода и наших традиций, которые мы берегли свято и передавали из поколения в поколение. Но эти требования распространялись и на нас самих. Мы тоже должны быть достойными своих предков. Я всю жизнь занималась древнегреческим языком, мои научные труды посвящены творчеству литераторов Древней Греции. Мой покойный супруг был литературоведом, его специальность – русская поэзия конца восемнадцатого века. И мои родители, надобно вам заметить, долго не давали согласия на наш брак, им требовалось немало времени, чтобы убедиться: Николай Венедиктович Эссен составит мне достойную партию. Но для того, чтобы представить им доказательства этого, ему нужно было составить себе имя в литературно-критических кругах. Благодарю судьбу за то, что мне было всего шестнадцать, когда мы познакомились с Николаем, и за десять лет, пока он доказывал, что достоин меня, я успела состариться всего до двадцати шести. Когда мы сочетались браком, Николаю Венедиктовичу было уже сорок. Однако я не роптала на родителей, ибо понимала: в нашем роду мезальянсов не было и быть не должно. И в свои шестнадцать я еще не могу судить о том, кто достоин вступить в родство с нашим родом, который за полтора столетия дал жизнь ученым и литераторам с мировым именем.

Точно так же я воспитывала и нашу единственную дочь Инессу. Увы, времена изменились, и наши вековые семейные традиции оказались не в силах противостоять разнузданности нравов. Большевики... Я до сих пор не могу понять, почему мои родители не эмигрировали вместе со всеми. Иногда я думаю, что мой батюшка, мир праху его, был ослеплен идеями революции. А порой мне приходит в голову, что он в них просто не разобрался и, не понимая всей опасности насильственного большевизма, доверчиво решил, что ученых, занимающихся древней историей, никто притеснять не станет. В этом он, как ни странно, оказался прав. Большевикам понадобились институты, чтобы обучать в них голь перекатную, рвавшуюся к власти, ведь им обещали, что каждая кухарка хоть немного поуправляет государством, и в этих институтах нужно было преподавать историю. Отец заведовал кафедрой в университете до самой кончины и был похоронен с огромными почестями. Но одного он, чистый и доверчивый историк, не учел: в стране большевиков нам трудно будет сохранить наши традиции, кои мы почитали более всех ценностей.

Инесса подавала большие надежды. С раннего детства играла в шахматы, и в школе всегда была первой ученицей, особенно выделяясь остротой ума в точных науках. Мы с Николаем Венедиктовичем прочили ей карьеру физика, но дочь, как ни прискорбно, не испытывала ни

малейшего интереса к тем наукам, которые давались ей более всего. Разумеется, ее решение поступать в педагогический институт мы с супругом не одобрили. Да, профессора в нашем роду были, и немало, мы с Николаем Венедиктовичем оба носим это звание, но профессор – это профессор, а школьный учитель – это, извините, нонсенс для Данилевичей-Лисовских. Однако мы слегка успокоились, когда Инесса объяснила нам, что не собирается преподавать в обычной школе. Ее интересуют методики развития интеллекта, логического мышления и памяти у детей, и она собирается заниматься исключительно наукой.

– Разве ты не понимаешь, мама, – говорила Инесса, – что все мои школьные успехи имели место только благодаря тому, что папа с четырех лет играл со мной в шахматы? Это дало мне отличную память и четкость мышления. Однако есть и другие качества интеллектуальной деятельности, которые развиваются не шахматами, а другими вещами. И я хочу посвятить свою жизнь разработке этих «других вещей», чтобы в каждой семье в конце концов могли вырастить интеллектуально развитых детей. Но для этого мне нужно получить педагогическое образование и соответствующий диплом.

Что ж, это звучало совсем неплохо. Мысль о том, чтобы увидеть свою единственную дочь в роли школьной учительницы, была для нас с супругом непереносима. Но в таком виде идею дочери можно было поддержать.

– Ты знакомилась с соответствующей литературой? – строго поинтересовался тогда Николай Венедиктович. – Насколько в науке разработана данная проблема?

– Папа, я перечитала огромное количество книг и журналов. Об этом никто никогда не писал и никто этим не занимался.

– Значит, если ты займешься этим, ты будешь первой? – уточнил он.

Инесса торжествующе улыбнулась, ибо хорошо поняла смысл вопроса. Она оставалась настоящей представительницей нашего рода, и я была не права, усомнившись в этом.

– Первой и единственной, папа, – твердо ответила она. – Ты можешь в этом не сомневаться.

Да, в таком виде проблема представляла совсем иначе. Инесса пойдет по научной стезе и быстро составит себе имя и научную репутацию. Способностей у нее, несомненно, достаточно и даже более того. Она станет ученым с уникальной специализацией, основоположником научной школы, первым разработчиком теории. Ее имя станет широко известным. Итак, род Данилевичей-Лисовских посрамлен не будет. Инесса достойна своих предков, и это дало нам с Николаем Венедиктовичем надежду на то, что и при большевиках мы сумеем сохранить и передать по наследству наши традиции.

Однако вскоре случилось страшное. Дочь училась на четвертом курсе, и однажды порог нашего дома переступил Этот. Бог мой, он учился на рабфаке. Из семьи рабочих. Отец железнодорожник, машинист, кажется, а мать работала на фабрике. В семье было восемь детей. Разумеется, ни о каком хотя бы сносном воспитании и речи быть не могло, не говоря уж о манерах и образованности. Я ума не могла приложить, где Инесса ухитрилась познакомиться с Этим. Оказалось, в каком-то бюро какого-то райкома какого-то комсомола. Вот он, результат большевизма: не осталось элитарных учебных заведений, а ежели таковые находились, то гарантий безопасности никто не дает, ибо существуют какие-то общественные работы, которые насильственно смешивают все социальные слои.

Мы с Николаем Венедиктовичем старались сохранить лицо и не быть невежливыми, однако после первого визита Этого в наш дом постарались мягко дать понять Инессе, что такому странному молодому человеку вряд ли стоит посещать нашу семью. И тут дочь произнесла такое, от чего мы долго не могли оправиться.

– Мама, неужели ты не поняла? Я выхожу за него замуж. Я привела его официально познакомиться с вами.

– Я полагаю, это неумная шутка? – вступил в разговор Николай Венедиктович. – Учеба в гуманитарном институте привела к развитию у тебя весьма своеобразного юмора. Я всегда считал, что ты с твоими способностями должна учиться в техническом вузе, это очень дисциплинирует мышление.

– Это не шутка, папа, – очень серьезно ответила Инесса. – Я выхожу за него замуж, сдаю экзамены за четвертый курс и с сентября ухожу в академический отпуск.

– Куда-куда ты уходишь? – переспросила я, не веря своим ушам.

– В декрет, мамочка, – спокойно пояснила она. – В сентябре будет как раз восемь месяцев.

Стоял апрель, изумительный, чистый, прозрачный, влажный и теплый. Апрель. До сентября оставалось всего четыре месяца.

У нас с Николаем Венедиктовичем не было выбора, и нам пришлось принять Этого в нашу семью. Разумеется, у него было имя, отчество и даже фамилия, которую он навязал нашей дочери, но для нас с супругом он навсегда остался Этим. Этот проходимец. Этот нувориш. Этот ее муж. Между собой мы всегда называли его только так.

Когда прошел первый шок, мы с супругом взяли себя в руки и пригласили Инессу для серьезного разговора. Вел его Николай Венедиктович, а я внимательно следила за реакцией дочери, готовая в любой момент броситься на подмогу мужу. Мы должны были выступить единым фронтом, дабы Инесса не подумала, что ее грядущее материнство сделает нас более податливыми.

– Ты нарушила священные полуторавековые традиции рода Данилевичей-Лисовских, – строго произнес Николай Венедиктович, – ты собралась сочетаться браком с человеком, недостойным нашего рода ни по происхождению, ни по уровню образованности. Если бы мы с твоей матерью могли этого не допустить, мы бы, конечно, сделали это. Но теперь, увы, слишком поздно. В нашем роду никогда и ни у кого не было внебрачных детей, и мы не можем настаивать на том, чтобы ты в сложившейся ситуации не выходила замуж за... За твоего приятеля с рабфака. Более того, мы не можем допустить, чтобы ты жила в общежитии, где нет условий для занятий и полноценного отдыха. Мы готовы пойти на то, чтобы разрешить тебе привести его в нашу квартиру. Конечно, он этого не заслужил, в этом доме жили и умирали твои предки, но мы с твоей матерью готовы ради тебя и твоего будущего ребенка терпеть присутствие твоего... гм... мужа. Однако у нас есть условие. Обязательное условие, и наше совместное существование в этом доме может быть приемлемым только при его выполнении.

– Условие? – удивленно спросила Инесса, дерзко глядя в глаза отцу. – Какое же может быть условие? Вы сейчас будете требовать, чтобы я с ним развелась, когда родится ребенок?

– В роду Данилевичей-Лисовских, – гордо отвечивал Николай Венедиктович, – равно, впрочем, как и в роду Эсенов, никогда не было не только внебрачных детей, но и одиноких, брошенных мужьями матерей. Даже если бы ты сама захотела развода, мы бы этого не допустили. Невозможно даже подумать о том, чтобы нарушить наши традиции дважды. Одного раза вполне достаточно. Наше условие в другом. Твой... гм... муж должен стать достойным нашей семьи. Он должен получить блестящее образование и сделать блестящую карьеру. Ну и, кроме того, он должен обрести приличные манеры, чтобы его не стыдно было выпускать к гостям, посещающим наш дом, и знакомить с людьми, которым известны наши традиции. Итак, можешь ли ты пообещать нам здесь и сейчас, что ты сделаешь все возможное для выполнения этого условия?

Инесса помолчала некоторое время, задумчиво разглядывая вазу, стоящую в центре стола, вокруг которого мы сидели, потом подняла глаза, внимательно посмотрела на отца, затем на меня.

– Это случится само собой, – ответила она негромко, – и моих усилий здесь не потребуются. Вы даже представить себе не можете, какой он талантливый, какой у него мощный интеллект. Он уже сейчас пишет такие работы по математике, что его собираются принять в уни-

верситет без экзаменов и сразу на второй курс. Он станет великим ученым, в этом вы можете не сомневаться. Он будет достоин нашей семьи и наш род не посрамит. А что касается манер, то я искренне надеюсь на твою помощь, мама. Их действительно надо привить, с этим трудно спорить.

Мы даже удивились, как легко далась нам победа, ибо готовились к длительному и упорному сопротивлению. Все-таки наша дочь оставалась нашей дочерью и достойным представителем своего рода, поэтому поняла и приняла наши требования как нечто само собой разумеющееся.

Итак, Этот вошел в наш дом. В первое время это было чудовищно. Он не умел правильно садиться и вставать, не знал, как пользоваться столовыми приборами и как вежливо разговаривать по телефону. Его нельзя было показывать гостям. Но нас с Николаем Венедиктовичем радовало, что Этот учился всему охотно и упорно. Он, казалось, хотел как можно быстрее порвать со своим рабоче-крестьянским прошлым, вылупиться из той скорлупы и нарастить новое оперение. Он ничуть не обижался, когда мы не звали его к столу при посторонних, более того, сам старался быстренько поест на кухне и скрывался в их с Инессой комнате. Он смотрел на нас с супругом с огромным почтением и постоянно спрашивал, как правильно говорить или делать то или иное. И, конечно, было бы несправедливо отказать ему в трудолюбии. Он был, безусловно, примерным студентом (кстати, его приняли действительно сразу на второй курс, дочь ничего не преувеличила), после занятий бежал в библиотеку, вечером приносил домой огромные связки книг и сидел над ними до рассвета. Не представляю, когда он спал. Кроме того, он был неплохим отцом. Инесса сидела дома с нашим внуком, я ей помогала по мере сил, наняла няню, но Этот все же успевал и поиграть с ребенком, и погулять с ним, и делал это не по необходимости, а с явным удовольствием.

Шли годы, и, к нашему удивлению, Этот пообтесался и стал вполне приличным. Более того, после окончания университета его оставили в аспирантуре, и кандидатскую диссертацию он написал всего за год. Вероятно, Инесса не преувеличивала, когда говорила о его способностях. С ее браком мы смирились, но родным Этот для нас так и не стал. И когда он после защиты диссертации был назначен на должность, успешно начал делать карьеру и вскоре получил от государства квартиру, мы с Николаем Венедиктовичем с облегчением вздохнули. Все-таки Этот был и остался чужаком, и куда лучше, когда он не живет с тобой под одной крышей.

Одно мы можем поставить себе в заслугу: мы так упорно, не покладая рук, воспитывали Этого, что он впитал наши идеи и нашу приверженность семейным традициям. Он был благодарен нам за все, что мы с Николаем Венедиктовичем для него сделали, он изо всех сил старался стать достойным нашего рода и отчетливо понимал, каким должен вырастить своего сына. Нашего внука. Понимал правильно.

Именно поэтому, когда пробил страшный час (слава богу, Николай Венедиктович до него не дожил), Этот безропотно отдал мальчика мне, отдавая себе отчет в том, что сам не сможет воспитать его так, чтобы он стал достойным нашей семьи. А я смогу.

И я смогла.

КАМЕНСКАЯ

Все-таки он сделал это... Больше нет никаких оснований пытаться утешать себя тем, что это была шутка. Он сделал это и доказал серьезность своих намерений. Но кому адресован брошенный им вызов? Татьяне или ей, Насте? Это первый вопрос. И второй: что он собирается делать дальше? Ждать и смотреть, как они будут пытаться раскрыть убийство Надежды Старостенко, или постоянно подливать масло в огонь? О господи, только не это.

Они с Сергеем Зарубиным сидели в холодном сыром помещении отделения милиции, который обслуживал территорию, где было найдено тело Старостенко. Тело уже находилось

в морге и «стояло», а точнее, лежало в очереди на вскрытие, но здесь, в отделе, можно было забрать вещи, принадлежавшие убитой. Следователь, возбуждавший дело, отправил на экспертизу только те предметы одежды, на которых сохранились следы выстрела, а все остальное так и валялось в сейфе у одного из оперативников.

Настя рассеянно рассматривала туфельки тридцать третьего размера и парик, имитирующий стильную короткую стрижку. Здесь же лежали узкие бордовые брюки, явно от костюма, колготки с лайкрой и узенькие розовые трусики-бикини. Да, потерпевшая была миниатюрной, каких поискать.

– А сумка? – спросила она. – Где ее сумка?

– Сумки не было, – ответили ей.

Она перевела вопросительный взгляд на Зарубина. Тот утвердительно кивнул.

– Вполне могло быть, в составленной со слов продавщиц описи покупок сумка не числится.

– Понятно, – вздохнула Настя, – куда ж носить старую потертую сумку с таким нарядом. Курам на смех. А в карманах что?

Оперативник из области загадочно усмехнулся и снова полез в сейф.

– Вот, – сказал он, выставляя на стол полиэтиленовый пакетик, – сами разбирайтесь.

Ключ, две бумажные салфетки. И две маленькие фигурки. Керамическая рыбка с широко открытой пастью и целлулоидный пупсик-голышок.

– Лежали рядом с трупом, у самой головы, – пояснил оперативник, – куколка была засунута рыбе в пасть, только ножки наружу торчали.

– Что это? – изумленно протянул Зарубин. – Игрушки, что ли?

– Что ли, – подтвердила Настя. – Интересно, откуда это у нее взялось? Неужели украла?

– Не факт, – покачал головой Сергей. – Могла из дому прихватить. Может, это у нее талисманчики такие. На счастье. Я у Бритого поспрошаю, он должен, по идее, знать, были ли у его зазнобы такие странные пристрастия.

Настя покрутила фигурки в руках. На пальцах остались черные следы порошка, значит, эксперты обработали фигурки на предмет выявления следов рук. Если следы обнаружились, они их зафиксировали на дактопленку и увезли, а фигурки за ненужностью оставили здесь, так что можно теперь не опасаться повредить улики.

– Ладно, – сказала она, вставая, – не будем нарушать правила игры. Фигурки мы оставим, вдруг ваш следователь захочет их приобщить, пока у него дело не отобрали. Я их только сфотографирую, ладно?

– Валяй, – с явным облегчением согласился оперативник из области. – А что, есть шанс, что дело заберут в город?

– И немаленький, – улыбнулся Зарубин. – Так что дыши глубже, коллега, на твоих плечах, глядишь, одним висяком меньше будет.

В Москву возвращались на электричке. Настю поразило, что вагон был совершенно пустым. Только трое подростков увлеченно резались в карты, прихлебывая пиво прямо из горлышка.

– Надо же, – удивленно воскликнула она, усаживаясь возле окна, – никогда не думала, что бывают совсем пустые вагоны.

– Темнота, – насмешливо протянул Зарубин, – сразу видно, редко ездешь.

– А что?

– А то, что вагон неотапливаемый. И несколько стекол разбито. Через десять минут почувствуешь. Здесь дольше десяти минут никто не выдерживает. Не веришь – зайди в соседний вагон, сама убедишься.

Настя обвела глазами вагон. Да, и в самом деле четыре окна сверху без стекол. Она зябко поехала в предчувствии надвигающегося холода. Электричка тронулась, и тут же по вагону загулял отнюдь не теплый осенний ветер.

– Ну как? – спросил Зарубин. – Переходим или остаемся?

– Остаемся, – решительно ответила она, усаживаясь поудобнее. – Здесь хоть поговорить можно. В крайнем случае попрыгаю, если уж совсем замерзну. И потом, здесь можно покурить, не выходя в тамбур, на таком ветру дыма никто не заметит. Сережа, тебе такие фигурки никогда не попадались?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Я внимания не обращал. Их нужно смотреть в сувенирных магазинах или в «Игрушках», а я там не бываю.

– А у знакомых? Может быть, у кого-то на полках стоят? Нет?

Он отрицательно покачал головой.

– Не замечал. Да ты погоди голову-то ломать, сейчас в Москву приедем – первым делом Бритого найдем и спросим, может, они и в самом деле Надькины, а к убийце никакого отношения не имеют.

– Убийца, убийца, убийца... – пробормотала Настя в ритме перестука колес. – Одно понятно: это мужчина. Уже хорошо. Если бы это была женщина, она не забыла бы купить новую сумочку.

– Но ведь покупки делали девушки, – возразил Сергей.

– Они купили только то, что им велел преступник. Он сказал – одежду, полный комплект. Они так и сделали. Насчет сумочки указаний не было, а самовольничать с чужими деньгами они не посмели, даже если и подумали о сумке.

Пока электричка добиралась до Москвы, Настя успела окончательно замерзнуть. Идя по платформе в сторону метро, она думала только об одном: чашка горячего кофе, горячая ванна и теплая постель. Но, увы, эту роскошь можно позволить себе еще очень не скоро.

ЗАРУБИН

На поиски Вениамина пришлось потратить немало времени. К моменту обнаружения он был изрядно нетрезв и жаждал общаться, поэтому пробиться со своими вопросами сквозь поток его речей было не так-то просто.

– Во, начальник, Надька-то с концами... Ва-а-ще... Нет, ну ты скажи мне, почему одним все, а другим ничего. Чем Надька лучше меня или, к примеру, Тамарки, а? Почему ей такая везуха сделалась? Бабки обломились, жизнь новая началась, теперь к старым друзьям носа не жает...

– Вениамин, припомни, у Надежды дома были керамические фигурки? Рыбка, например.

– Да кой черт теперь эти фигурки? – отмахивался Бритый. – Были, не были – какая разница? Ей в ейной новой жизни они ни к чему. Пропала, и все. Ни «до свидания» не сказала, ни адреса не оставила. Вот ты скажи, с друзьями так поступают или нет?

Обида Бритого была глубокой и большей своей частью замешена на зависти, ему нужно было выговориться, и Зарубин понимал, что, пока Веня не скажет все, что думает, причем раз пятнадцать, он больше ничего не услышит. Пришлось терпеливо ждать. Наконец, уловив некоторое снижение эмоционального накала, Сергей снова принялся за свое:

– И все-таки, Вениамин, вспомни, не было ли у Надежды привычки носить с собой игрушки какие-нибудь или фигурки. Может, она их собирала, коллекционировала? Или хранила как память о чем-то? Вспомни, уж будь так любезен.

– Мозги тереть... – неопределенно пробурчал Бритый, кинув на Зарубина весьма выразительный взгляд.

Сергей вытащил из кармана десятку, и глаза Бритого тут же прилипли к ней намертво.

– Вспомни, Вениамин, – голос оперативника был полон ласкового терпения, словно он разговаривал с ребенком, – вспомни.

Купюра скрылась в его кармане, будто он достал ее совершенно случайно и без всякой задней мысли. На лице Бритого отразилось горькое разочарование, которое быстро сменилось злобой по поводу неоправдавшихся надежд.

– А хрена ж вспоминать? – окрысился он. – У меня своих забот хватает. У Надьки теперь своя жизнь, у меня своя. Разве ж она теперь вспомнит, в своей новой-то жизни, сколько меж нами хорошего было? Во людская неблагодарность! Как плохо было, так ко мне бежала, а как удача привалила, так всех забыла, и меня в первую очередь. Даже «до свидания» не сказала, сука!

Пришлось прибегать к резким мерам, никаким другим способом Бритого было не остановить.

– Вениамин, – строго произнес Зарубин, – ты Надежду не ругай и неприличными словами не обзывай. Она, конечно, пропала, но ее вины в этом нет. Она умерла.

Бритый воззрился на него в полном недоумении.

– Как это... куда это... – пролепетал он. – Неужто и вправду заболела, а мы вовремя не хватились?

– Да нет, Веня, не заболела. Убили ее. Поэтому ты свои обиды засунь в одно место и давай-ка вспоминай, о чем я тебя спрашиваю.

– Это насчет фигурок, что ли?

– Насчет фигурок, – подтвердил Сергей.

– Не.

– Что «не»? Говори внятно.

– Не... погоди, как это Надьку убили? Кто? За что?

Зарубин усмехнулся, снова вытащил десятирублевую купюру и протянул собеседнику.

– На, выпей за помин ее души. Если б я знал, кто и за что ее убил, я бы тут с тобой времени не терял и тебя своими вопросами не мучил бы, ясно? Так были у нее дома керамические фигурки? Человечки всякие, зверушки, рыбки, куколки? Пластмассовые пупсики?

Взгляд Бритого постепенно обрел некоторую осмысленность.

– Не было, – твердо ответил он. – Ни разу не видел.

– А не говорила она, что всегда носит с собой какой-нибудь талисман?

– Не говорила.

Зарубин еще раз мысленно проделал путешествие по квартире Надежды Старостенко. Он, кажется, вчера заглянул во все ящики и шкафчики, пока искал документы, но ничего похожего на найденные в ее карманах фигурки там не было.

– Вениамин, а может быть, они у нее раньше были, давно, а потом она их продала или подарила кому-нибудь, а? Ты припомни как следует, она ничего такого не рассказывала?

– Не было ничего такого. Я бы не забыл.

Из уст алкоголика такое заверение звучало не особенно серьезно, но другого источника информации все равно не было. Можно было опрашивать всех поголовно собутыльников Надьки Танцорки, но надежность их слов вряд ли была бы выше.

Сергей не стал больше тратить на это времени. На сегодня у него были запланированы и другие дела, которые никак нельзя было отменить или отложить. Одним из таких дел была встреча с человеком, дававшим Зарубину разного рода информацию о жильцах своего дома. Дом был не простой, всего двадцать квартир, почти все из них – бывшие коммуналки, ныне расселенные, отремонтированные, перестроенные и проданные весьма состоятельным людям. Некоторые из этих людей заработали свои деньги не вполне честным путем и посему представляли для милиции определенный интерес хотя бы в чисто профилактических целях. Информатор Зарубина проживал в одной из двух оставшихся коммунальных квартир, на работу не

ходил по причине инвалидности и от скуки наблюдал за жизнью немногочисленных жильцов дома.

Никакого особого интереса к вышеуказанному дому у Сергея на сегодняшний день не было, но встречаться с поставляющими информацию людьми нужно было регулярно и делать об этом соответствующие записи, таков порядок.

– Слышь, Кузьмич, – помявшись, сказал напоследок человек, имевший рабочий псевдоним Кашин, – опять у меня болит... Сил нет терпеть. Врачу сказал, так он выписал муть какую-то, от нее ни жарко ни холодно. Не помогает, одним словом. Мне вот тут знающие люди подсказали, есть одно лекарство хорошее. Но стоит оно... Никак помочь нельзя, а?

– Подумаем, – пообещал Зарубин. – Ты мне вот что скажи: у тебя в районе арбатских переулков есть знакомые?

Кашин подумал немного и кивнул.

– А что надо-то?

– Ну ты запомни на всякий случай одно имя: Надежда Старостенко, кличка Надька Танцорка. Во Власьевском переулке живет. В субботу на нее неизвестно откуда свалилась куча денег, и примерно около семнадцати часов ее могли видеть на улице в новой одежде. Серебристо-серый плащ и парик под коротко стриженную брюнетку. Со стороны, конечно, не видно, что это парик, просто хорошая стрижка. Но узнать Надежду можно было, у нее лицо характерное, запоминающееся. Все понял?

Кашин, напряженно вслушивавшийся в каждое слово Сергея, снова кивнул. Он понимал, для чего молодой опер все это ему рассказывает. Такое уже бывало раньше. Мало ли кто проверить захочет своего подчиненного, а потом выяснится, что Кашин и имени-то такого – Надька Танцорка – не слышал.

– Спасибо тебе, Кузьмич, – с чувством произнес он, – век помнить буду. Я отслужу, ты не сомневайся.

Зарубин и не думал сомневаться. Он был из тех работников, которые свою агентуру любят, берегут и холят, даже несмотря на то, что контингент у Сережи был довольно специфический. Простоватая внешность и молодой возраст не позволяли ему обзаводиться источниками информации в среде людей, причисляющих себя к интеллигентам и интеллектуалам, располагать к себе женщин он тоже отчего-то не научился. Но вот алкаши, бомжи, временно или постоянно не работающие люди, пенсионеры непонятно каким образом мгновенно подпадали под его обаяние, а потом и влияние. Они исправно поставляли Зарубину информацию, а сам Зарубин всегда уделял им не только служебное, но и нормальное человеческое внимание. И если нужно было – помогал. Как, например, сейчас Кашину.

Вернувшись на службу, Сергей вставил в пишущую машинку чистый лист бумаги и напечатал справку, поставив на ней вчерашнюю дату. Источник Кашин сообщил ему в конфиденциальной беседе о том, что в субботу видел знакомую ему Надежду Старостенко около семнадцати часов... и так далее. После получения информации Кашину было сформулировано задание продолжать сбор сведений о Старостенко и ее окружении и постараться выяснить источник получения денег. Потом он отнесет эту справку куда надо, поставит на нее регистрационный номер и напишет еще одну бумажку, согласно которой источнику Кашину за ценную и своевременную информацию полагается денежное вознаграждение в размере 100 рублей. Деноминированных. На лекарство ему должно хватить. Потому что если жить на положенную государством пенсию в двести пятнадцать рублей, то хороших лекарств не купишь, это уж точно. А людей беречь надо. На милицейском жаргоне это называется «липовать», но ведь во благо же... Есть такие менты, которые «липуют» в сговоре со своими источниками, получают деньги и вместе их пропивают. Случается и такое. Но Сергей Зарубин этого себе никогда не позволял. А когда человеку помочь надо – это совсем другое дело.

ИРИНА

Сегодня у нее свободный день. Свободный в том смысле, что маленького Гришеньку Стасов с самого утра увез к своей матери. Это было обязательным и строго соблюдаемым мероприятием: раз в неделю по вторникам внука отвозили к бабушке, туда же после уроков приезжала и дочь Стасова от первого брака десятилетняя Лиля. Не в субботу и не в воскресенье, когда, по представлениям Стасовой-старшей, дети должны находиться с родителями, а именно по вторникам, когда у нее был библиотечный день и можно было не идти на работу.

Вторники Ирочка Милованова использовала для посещения рынков и крупных магазинов, где толкаться с годовалым ребенком неудобно. О том, чтобы оставить малыша в коляске одного на улице, даже речи быть не могло. Особенно после того страшного случая на Верхней Красносельской, когда грудничка украли прямо из коляски у двери женской консультации, куда счастливая мамочка заглянула буквально на одну минутку поблагодарить врачей, помогавших ей во время трудной беременности. Вышла – а ребенка нет. Вся Москва тогда гудела. Сколько объявлений было, и по телевизору, и по радио, и расклеенных на стенах домов: помогите найти Егора! А все без толку. Так и не нашли мальчугана. Мать не выдержала горя и покончила с собой. Каждый раз при воспоминании об этом случае Ирочка начинала плакать одновременно от жалости к несчастной матери и от страха за Гришу.

Так что сегодня, во вторник, оставшись совсем одна, она наметила список необходимых покупок, продумала маршрут и отправилась на большой вещевой рынок. Близятся холода, Стасову нужен новый шарф, Татьяне – приличный пиджак, желательно серый или темно-синий, ей самой пора обновлять джинсы, а то от бесконечной возни с малышом на полу коленки совсем протерлись и неприлично лоснятся. И всем членам семьи надо купить толстые «деревенские» носки, в них так славно ходить дома, когда холодно. Куда лучше, чем в тапочках. После вещевого рынка она заглянет на расположенный рядом оптовый продуктовый рынок, запасется растительным маслом, дрожжами и мукой. Больше всех прочих блюд Ирочка любила печь самые разнообразные пироги и булочки, поэтому мука и дрожжи летели в ее хозяйство с космической скоростью.

До рынка можно было доехать на автобусе, но Ирина предпочла пройти пешком. Едва успела она миновать входные ворота, как к ней тут же обратилась какая-то женщина средних лет.

– Ой, девушка, миленькая, помогите мне, пожалуйста, – запричитала незнакомка, протягивая ей какую-то бумажку, – не могу вскрыть лотерейный билетик. Купила вот, а вскрыть не получается, сил нет. Болею я, а вы такая молодая, у вас сил много...

Ира машинально взяла билетик, сложенный в несколько раз и прошитый жестяным колечком, попыталась надорвать, но задача оказалась не из простых. Билетик не поддавался. Почуввав неладное, она быстро вернула его женщине.

– Извините, – пробормотала она, – я очень тороплюсь.

Однако через несколько метров история повторилась. На сей раз к ней обратилась молодая женщина, на лице которой застыло страдальческое выражение.

– Девушка, помогите вскрыть билетик, будьте добры. У меня не получается. Вот купила...

Ира сделала вид, что не слышит, и торопливо прошмыгнула мимо. «Дались им эти билетики», – подумала она и тут же переключилась на поиски необходимых товаров. Не прошло и двух минут, как рядом послышался голос:

– Извините, пожалуйста, вы мне не поможете? Купила лотерейный билет, а вскрыть никак не могу, не умею...

– Да вы что? – удивилась Ира. – Сколько же вас тут? На каждом шагу пристают!

Чья-то тяжелая рука опустилась ей на плечо. Она испуганно обернулась и увидела здорового амбала с весьма неприветливым выражением на физиономии.

– А ну-ка мотай отсюда, – прошипел амбал. – Быстро, быстро. Чтобы я тебя тут не видел. Вали!

Он легонько подтолкнул ее, но масса стройной молодой женщины оказалась столь ничтожной по сравнению с массой его мышц, что Ирочка пролетела вперед метра три, едва не упав на землю. Она с трудом пришла в себя, сглотнув слезы страха и обиды, стиснула зубы и отправилась между рядами. Женщины с билетиками в руках и с жалостливыми голосами попадались ей с пугающей систематичностью, буквально каждые две-три минуты, и Ире было одновременно страшно и неприятно. Она старалась держать себя в руках, отводила глаза, притворяясь глухой, или извиняющимся тоном бормотала: «Простите, мне некогда», – и спешила отойти в сторону. От волнения внимание ее рассеялось, она смотрела на вывешенные вещи и не могла понять, то ли это, что ей нужно, и что вообще она здесь ищет. В тот момент, когда нервное напряжение достигло апогея, к ней снова обратились. Теперь это была неопрятная тетка цыганского вида с полным ртом золотых зубов.

– Эй, красавица, сделай доброе дело, помоги билетик открыть, а? Подагра у меня, руки совсем не слушаются, болею я.

И тут Ирочка не выдержала. Она забыла про осторожность и закричала во весь голос:

– Да есть у вас совесть или нет? Не продохнуть уже от ваших билетиков! На каждом шагу пристаёте, ступить некуда! Отвяжись от меня! Я сейчас милицию позову!

Ее схватили сзади и легонько оторвали от пола.

– Быстро отваливай отсюда, а то костей не соберешь, поняла? А ну давай, в темпе!

Ей дали возможность вырваться, но не обернуться. Судя по той легкости, с которой ее приподняли в воздух, сзади стоял амбал ничуть не менее крутой, чем первый. На рынке работала хорошо организованная группа, только вот непонятно было, в чем смысл их действий. Но то, что не помощь ближнему, – очевидно.

Ирочка рванула сквозь толпу, ничего не видя перед собой от ужаса. Она даже не поняла, как оказалась возле выхода. Видно, ноги сами вынесли. Только добежав до продуктового рынка, она остановилась перевести дух. Ее всю колотило от возмущения и испуга, по щекам лились слезы.

– Ира? – услышала она совсем рядом знакомый голос. – Что с вами? Почему вы плачете?

Перед ней стоял сосед собственной персоной. В дешевой куртке, старых джинсах и с сумкой в руках.

– Ой, Андрей Тимофеевич...

Она всхлипнула и разрыдалась, уткнувшись лицом в его куртку. Сосед ласково похлопывал ее по спине, ожидая, пока она успокоится.

– Так что случилось, дорогая? У вас украли кошелек?

Ира спохватилась и полезла в сумку. Нет, все в порядке, кошелек на месте. Достав платок, она вытерла глаза и дрожащим от возмущения голосом пересказала Андрею Тимофеевичу свою рыночную эпопею.

– Я хочу пойти в милицию, – твердо заявила она. – Это же безобразие! Среди бела дня пристают к людям, явно хотят какую-то гадость...

– Какую? – невинно осведомился сосед.

– Ну я не знаю... – растерялась она. – Но ведь точно, что гадость. Разве нет?

– Вероятно, да, – согласился он. – Но, Ирочка, дорогая моя, вы же знаете нашу милицию. К ней не ходят с подозрениями. К ней ходят с фактами. Например, с фактом кражи или обмана. Вас обокрали?

Она покачала головой:

– Слава богу, нет пока.

– Вас обманули?

– Тоже нет. Но я им не позволила! Понимаете? Я сама им не позволила! – продолжала горячиться Ирочка. – А если бы я втянулась в эту историю с билетиком, еще неизвестно, чем дело кончилось бы. Я хочу предупредить милиционеров, что на рынке работает банда. Пусть они ее обезвредят.

Андрей Тимофеевич громко и добродушно расхохотался.

– Ну вы даете! Неужели вы полагаете, что милиция ничего об этом не знает? Плохо же вы о ней думаете, дорогая! Наша родная милиция, да будет вам известно, знает все и обо всех. И об этих людях с билетиками прекрасно знает.

– Так почему же они...

Ира запнулась. В самом деле, что она, с ума сошла? Столько лет прожить рядом с Татьяной, следователем, породниться со Стасовым, двадцать лет проработавшим в уголовном розыске, каждый день читать газеты, смотреть телевизор, и после всего этого вести себя так глупо! Непростительно. Это от страха и волнения у нее ум за разум зашел. Вот уж воистину, когда дело касается других, можно рассуждать здраво и хладнокровно, а когда коснется лично тебя, мозги работают совсем по-другому.

– Вы правы, – тихо сказала она. – Я сразу не сообразила. Конечно, идти в милицию было бы верхом идиотизма. Они в доле. Я просто очень испугалась. Знаете, их там так много, и амбалы эти такие здоровенные...

Она снова собралась было заплакать, но сумела справиться с собой.

– Ну вот и славно, – улыбнулся сосед. – Вы уже все купили?

– Нет, мне тут еще надо...

– Вот и отлично. Я тоже за продуктами приехал. Давайте-ка спокойненько пройдемся по рынку, закупим все, что нужно, и поедем домой. И дайте слово, что не будете плакать.

Рядом с высоким плечистым соседом Ире было совсем не страшно, и уже минут через десять она снова улыбалась и щебетала, как обычно.

– Покупайте больше, – постоянно повторял он, – пользуйтесь рабочей силой, пока я с вами, все донесу.

– Уговорили, – весело кокетничала Ира, – я возьму не три килограмма муки, а пять, только дайте слово, что будете каждый день приходить к нам на пироги.

– Берите хоть десять, – в тон ей отвечал Андрей Тимофеевич, – и я буду ходить к вам по два раза в день и еще забирать с собой.

Но когда они возвращались домой на автобусе, оживление ее исчезло. Ирочка снова вспомнила пережитый страх и сидела грустная и подавленная.

– Ира, вы такая... – сосед помялся, подыскивая подходящее слово, – беззащитная, что ли. Вас страшно оставлять одну. Особенно после того, что случилось с Татьяной и ее подругой. Кстати, Татьяна передала вам мое указание?

Она подняла на него глаза полные тоски и усталости и непонимающе переспросила:

– Указание? Какое указание?

– Когда вы дома одна, никому не открывайте дверь, пока не позвоните мне по телефону. Я сам выйду на лестницу и посмотрю, кто это.

– А если вас нет дома?

– Тогда просто не открывайте. Даже к двери не подходите и не спрашивайте, кто там.

– Да ну вас. – Она слабо улыбнулась и махнула рукой.

– Почему?

– Ну как это – дверь не открыть? Я не понимаю.

– Очень просто. Не открыть, и все. Что в этом сложного? Уверю вас, это намного проще, чем вы думаете. Трудно делать, а вот не делать – совсем несложно.

– А если это что-то важное?

– А если вас нет дома? – ответил Андрей Тимофеевич вопросом на вопрос. – Ведь может же такое быть, что вас просто нет дома.

– Но ведь я дома, – резонно возразила Ира.

– Положим, в данный исторический момент вы не дома, а в автобусе, – засмеялся сосед. – Короче, Ира, давайте будем серьезными. Ваша родственница всерьез озабочена тем, что произошло в субботу, а поскольку она – человек знающий и компетентный, я полагаю, основания для беспокойства у нее есть, иначе она не стала бы так тревожиться. Мне не верите, но хоть ей-то поверьте. Между прочим, нам выходить.

Он донес тяжеленные сумки до дома и занес в квартиру Стасовых. Попутно кинул взгляд на дверной замок и одобрительно кивнул:

– Дверь у вас хорошая и замок приличный. Но имейте в виду, дорогая, для того, кто захочет причинить вам вред, это не препятствие. Прислушайтесь к моим советам, я вас очень прошу.

Закрыв за соседом дверь, Ирочка принялась за стирку. Она никак не могла выкинуть из головы случившееся на рынке, острый страх прошел, но осталось недоумение и желание понять: в чем же тут дело. Ответа она так и не нашла. Придется ждать Татьяну или Стасова. Уж они-то наверняка знают все эти хитрости.

Стасов, выслушав ее горестный и возмущенный рассказ, долго смеялся.

– Ну чего ты хохочешь? – обижалась Ирина. – Тебе смешно, а я знаешь как испугалась.

– Могу себе представить. Ты – наш маленький борец за правопорядок. Но в одном ты права, Ируська: как ни горько и обидно это признавать, в милицию обращаться было бессмысленно. Они точно в доле, а с подозрениями к ним лучше не обращаться, высмеют и выгонят погаными тряпками. Наш сосед оказался мудрым, не в пример тебе, он быстрее это сообразил. Хотя просто удивительно, откуда в нем эта мудрость, он же не живет бок о бок с представителями милиции, в отличие от тебя.

– А в чем смысл? Они мошенники или кто? – поинтересовалась любознательная Ира.

– Одно из двух. Вероятнее всего, это работающие в группе карманники. Ты берешь в руки билетик, он не поддается, ты держишь его двумя руками и концентрируешь на нем все внимание. Сумка или карман таким образом остаются без контроля. Вот и вся премудрость. Может быть вариант более сложный. Например, ты вскрываешь билетик, он оказывается выигрышным, и тогда бедная женщина начинает рассказывать тебе, как она торопится, у нее ребенок больной дома один или электричка вот-вот уйдет, и предлагает тебе пойти получить выигрыш вместо нее, а деньги в сумме, указанной в билетике, отдать ей прямо сейчас. Или даже в меньшем размере, потому как она уж очень сильно торопится и согласна получить не все, а только часть. К примеру, в билете указан выигрыш в сто рублей. Она просит у тебя хотя бы семьдесят, потому что время ей дороже, ты радостно отдаешь деньги и бежишь туда, где, по ее словам, эти билетики продают и заодно выигрыши выдают. Там, естественно, ничего нет. Или есть, но не то. Или есть, и то, что надо, но твой билетик оказывается без водяных знаков, то есть поддельный. И вся, как говорится, недолга. Есть еще один вариант: в билетике указан выигрыш, но не денежный, а вещевой, к примеру, микроволновая печь. Схема та же: женщина говорит, что ей некогда или что печька ей не нужна, и отдает билетик тебе, причем бесплатно или за совсем ерундовую компенсацию, рублей за двадцать-тридцать. Ты с этим билетикомходишь к лотерейщику, он тебе огорченно сообщает, что печька у него всего одна, а билетиков с таким выигрышем оказалось два, вот и человек стоит рядом, он только что купил билетик, в котором тоже написано «микроволновая печь». Вам предлагается разыграть печьку, как в покере: поставить деньги, кто больше поставит – тот и выиграл, тот и печьку заберет, и деньги. Дальше все понятно. У того дядечки денег всегда будет больше, чем у тебя, даже если ты миллионерша. Так что уйдешь ты без копейки и без печки. В общем, Ируськин, ты у нас молодец, не поддалась и не вляпалась. Но и возникать в таких ситуациях нельзя, тут ты совер-

шила ошибку. Помни, сейчас мало кто работает в одиночку, и при малейшей попытке разоблачить кого бы то ни было ты тут же получишь по мозгам. И не только в переносном смысле, но и в самом прямом. Я ответил на твои вопросы? Тогда отвечай на мои. Первое: где моя жена, и второе: когда мне дадут поесть?

– Твоя жена предупредила, что придет поздно. Она поехала к Насте на Петровку, они там чего-то совещаются. А поесть сейчас дам.

Стасов не стал дожидаться Татьяну, ему нужно было еще съездить к матери за Гришенькой. Вскоре Ирина снова осталась одна. К десяти вечера ею овладел безотчетный страх, одиночество в пустой квартире стало непереносимым. Таня поехала на Петровку, значит, они там совещаются не только с Настей, иначе Настя, как обычно, приехала бы к ним в гости. Неужели все так серьезно? Неужели Андрей Тимофеевич прав?

Верить в это не хотелось.

Глава 5

ОБРАЗЦОВА

Это было одиннадцать лет назад... Татьяна в то время считалась еще молодым следователем, но определенные успехи у нее уже были, причем некоторые из них донельзя раздражали ее начальство. Посему в виде компенсации за нанесенный им моральный ущерб ей чаще, чем другим следователям, подбрасывали «невкусные» дела. Скучные, мелкие, нудные. Или вот такие...

Горшкову было всего семнадцать, и по всем канонам он шел как несовершеннолетний. Но беда в том, что семнадцать-то ему было на момент совершения преступлений. Искали его долго, и за эти месяцы он успел зачем-то повзрослеть и отпраздновать свой очередной день рождения. К моменту привлечения сначала в качестве подозреваемого, а затем и обвиняемого ему стукнуло восемнадцать, и можно было заняться дележкой подследственности с прокуратурой. С одной стороны, в те годы дела несовершеннолетних вели следователи прокуратуры, но с другой стороны, Горшков уже вроде как справил восемнадцатилетие, так что никакого нарушения не будет, ежели оставить дело следователям милицейским. Дело оставили. И передали следователю Образцовой Татьяне Григорьевне. Хотя можно было назначить и следователя-мужчину. Но начальник в тот день находился в состоянии крайнего раздражения и дурного расположения духа, и только перспектива в очередной раз уесть молодую выскочку Образцову могла его несколько утешить.

Юноша по фамилии Горшков прославился тем, что разнузданно приставал к незнакомым девочкам, девушкам и женщинам независимо от их возраста, проделывая то, что в уголовном праве деликатно именуется развратными действиями, а в сексопатологии – эксгибиционизмом. Помимо этого, он любил и поговорить, и даже потрогать замирающих от ужаса девчушек, которых зажимал в лифтах или пустых подъездах. Эпизодов у него было много, и по каждому нужно собирать и закреплять доказательства, в том числе и очные ставки проводить, то есть вызывать потерпевших, которые вовсе не жаждали встречаться с подонком и в его присутствии повторять все детали происшедшего. Потом судебно-психиатрическая экспертиза, которая длилась, как и полагается, месяц. Медики признали Горшкова вменяемым, хотя и страдающим психопатией.

Допросы превратились для Татьяны в каторгу. Горшков смотрел на нее не отрываясь, нагло улыбался и на вопросы отвечал примерно так: «А давай посмотрим, что у тебя в трусах», «А ты когда-нибудь видела, как мальчики занимаются онанизмом?», «А сколько раз в неделю ты трахаешься со своим мужиком?».

Татьяна была слишком гордой, чтобы идти к начальнику и просить передать дело другому следователю. Она решила, что дотянет эту каторгу до победного конца. Может быть, такой подвиг никому не был нужен, но она боролась за свою репутацию. Содрогаясь от отвращения, а иногда и от страха, она упорно продолжала допросы и очные ставки, лишь изредка позволяя себе скупые, немногословные жалобы в разговорах с коллегой, который всегда относился к ней по-доброму.

– Слушай, чего ты так мучаешься? – не выдержал тот. – Шепнем пару слов работникам СИЗО, его в камере быстро уму-разуму научат. Отпрессуют на всю оставшуюся жизнь.

– Его и так там учат, – горько усмехалась Татьяна, – развратников нигде не любят – ни в камерах, ни на зоне. Только толку от этой учебы – чуть. Он еще больше звереет. Психопат, что с него взять.

Он действительно зверел и наглед на глазах: «Какого цвета у тебя лифчик? Голубой? Или белый?», «Какой у тебя размер груди? Наверное, большой...», «А сколько раз ты можешь кончить за одну ночь?».

Дошло до того, что он начал хватать Татьяну за руки и предлагать заняться сексом прямо в кабинете. Все можно было прекратить уже давно, но она боролась за себя, она ни за что не показала бы начальнику, что сдалась, не справилась, испугалась. Она сцепила зубы и терпеливо вела дело к обвинительному заключению. И лишь однажды сорвалась.

– Знаешь, Горшков, я страшно рада, что тебя так долго искали, – сказала она спокойно, глядя ему прямо в глаза. – Я, конечно, отдаю себе отчет, что за эти месяцы ты успел совершить еще кучу преступлений, и если бы тебя поймали раньше, тебе это не удалось бы. И от тебя пострадали не две девушки, а двадцать две. Мне их всех жалко. Но я все равно рада, что так случилось и тебя долго ловили.

– Это почему же? – насторожился Горшков.

– Да потому, Горшков, что, если бы тебя поймали сразу, эпизодов было бы еще мало, следствие закончилось бы быстро, пока тебе было семнадцать, и срок ты пошел бы отбывать в колонию для малолеток. За один-два эпизода тебе дали бы максимум год. И весь этот год ты просидел бы с детишками, поскольку ради нескольких месяцев во взрослую колонию тебя переводить никто не будет. Среди детишек ты был бы героем, половым гигантом, многоопытным и умелым. Но тебе, Горшков, не повезло. Тебя ловили слишком долго. Теперь тебе уже восемнадцать, и эпизодов у тебя – лет на пять, если не больше. Я ж тебе не только сто двадцатую статью нарисую, но и хулиганство, причем злостное, совершенное с особым цинизмом. А если поднапрягусь, то и еще что-нибудь придумаю. В общей сумме лет на восемь. И пойдешь ты эти восемь лет отбывать в колонию, где сидят взрослые дяденьки. У многих из них есть дети, сестры, возлюбленные и жены. И для них ты будешь не героем, а падалью последней. Жизни тебе там не будет, Горшков, это я могу тебе твердо пообещать. Скорее всего ты оттуда вообще не выйдешь. Либо тебя на зоне опустят, что вероятнее всего, либо вообще прибудут, либо ты попытаешься дать сдачи и получишь новый срок. А потом еще один, и еще один. Другие осужденные если уж решат тебя не убивать, то сделают все возможное, чтобы ты на свободу никогда не вышел. Они это очень лихо умеют делать, там на такой случай целая наука разработана, как зеков провоцировать, а потом под суд отдавать за новое преступление. Усвоил? Тогда перейдем к следующему эпизоду...

Разумеется, воспитательного воздействия ее откровения не оказали, Горшков только больше обозлился, но Татьяна была рада, что сказала ему то, что сказала. Ей стало легче.

Доведя предварительное следствие до конца и составив обвинительное заключение, она с удовольствием наблюдала за Горшковым, пока тот читал длинный, многостраничный документ. Читал он медленно, но не оттого, что вдумчиво. Он просто плохо читал.

– Ладно, – с угрозой произнес обвиняемый, швыряя на стол бумаги, – ты у меня еще поплатишься, сволочь. Что дадут – отсижу, а потом мы с тобой встретимся, Татьяна Григорьевна. Может быть, мне повезет на суде, и тогда мы встретимся с тобой совсем скоро. Так что жди меня, любимая, и я вернусь. Помыться не забудь, я грязненький не люблю.

На суде Горшкову не повезло, по совокупности преступлений ему дали семь лет. Слова Татьяны оказались пророческими, в колонии ему снова не повезло, ибо самый авторитетный в отряде осужденный имел личный и весьма острый зуб на всех насильников и развратников. В попытках защититься и постоять за себя Горшков нанес кому-то увечья и получил новый срок.

– Я сделала запрос, – безнадежным голосом сообщила Татьяна, – Горшков Александр Петрович, шестьдесят девятого года рождения, освобожден из мест лишения свободы в мае этого года. Из колонии направился якобы в Тверскую область, но туда не прибыл. Местонахождение его неизвестно.

В кабинете повисла тишина. Настя и Коротков сочувственно смотрели на Татьяну, Миша Доценко уставился в лежащий на столе листок с ответом на запрос. Тверская область граничит с Московской, совсем близко.

– Татьяна Григорьевна, – спросил он, по обыкновению называя ее по имени-отчеству, – а этот Горшков похож на убийцу? Мне всегда казалось, что половой психопат – это одно, а человек, который убивает, – это немножко другое. Разные типы личности.

– Брось ты, Михаил, – махнул рукой Коротков, – похож – не похож... Это все наши кабинетные измышления. И потом, ты по своей интеллигентской манере называешь его половым психопатом, а я со всей большевистской прямоотой назову его сексуальным маньяком и буду прав. А когда человек маньяк, то это надолго. На всю, можно сказать, оставшуюся жизнь. И проявляться его мания может в чем угодно. Разве не так? Ну скажи, Ася, я прав?

– Не знаю, – покачала головой Настя. – Это надо у специалистов спрашивать.

– Да при чем тут специалисты? – продолжал горячиться Юрий. – Разве мало мы знаем сексуальных маньяков-убийц? Один приснопамятный Головкин по кличке Удав чего стоит, а про Чикатило я вообще молчу. Хотелось ему оригинальных сексуальных ощущений, а кончилось все кучей изуродованных трупов. Вот и весь расклад. Таня, фотографии Горшкова есть?

– Найдутся. Но время, Юра, время... Любительские фотографии можно взять у его родителей, но на них ему самое большее семнадцать, а теперь ему двадцать девять, и за плечами столько лет в колонии, что опознавать его по тем снимкам бессмысленно.

– Это точно, – подхватил Доценко, – но можно взять последние фотографии, которые делали в колонии для справки об освобождении. Они, конечно, «мертвые», и прическа у него теперь неизвестно какая, но на компьютере сделают несколько вариантов. Попробуем...

– Что попробуем? – перебил его Коротков, в голосе которого явственно проступала безнадёжность. – Будем предъявлять эту фотографию всем участникам телемоста, которые находились на Арбате? Во-первых, мы их год собирать будем, а во-вторых, это нам ничего не даст. Ну, допустим, его никто не вспомнит. Так это вовсе не означает, что его там и в самом деле не было. Допустим, кто-то его вспомнит. И что? Мы будем знать, что в игру с нами играет именно он, а толку-то? Его ж искать надо, и весь вопрос в том и состоит, что мы не знаем, где искать. В розыск мы его, конечно, объявим, но надежды мало. Нужны идеи.

Идеи. Где ж их взять? Татьяна думала о том, что сейчас, в половине одиннадцатого вечера, она сидит на Петровке, и, пока не выйдет на улицу, ей ничего не грозит. Но ведь она не может сидеть здесь вечно. Хуже того, она вряд ли узнает Александра Петровича Горшкова, окажется он рядом с ней на улице или в транспорте. Миновало одиннадцать лет, за эти годы через руки следователя Образцовой прошло столько подследственных, что их лица слились в ее памяти в неясный облик. Некоторых она помнит очень отчетливо, некоторых не помнит совсем, но для того, чтобы узнать человека через одиннадцать лет, нужно в деталях знать его лицо и мимику. А детали стерлись... Она, конечно, может восстановить в памяти внешность Александра, но без этих деталей ей каждый второй прохожий будет казаться злополучным Горшковым.

Настя словно прочитала ее мысли.

– Таня, ты хорошо помнишь его лицо? – спросила она.

Татьяна отрицательно помотала головой.

– Только в общих чертах. Я его либо вообще не узнаю, либо начну узнавать во всех подряд.

– Понятно. Тогда остается одно: искать его изнутри.

– Изнутри? – переспросил Коротков. – Что ты имеешь в виду?

– Самого Горшкова. Юра, у него есть какой-то собственный план, какие-то заумные идеи. Он же мог просто разыскать Татьяну, это несложно, учитывая ее писательскую популярность. Разыскать и... В общем, понятно. Но он этого не сделал. Он затеял целую драму, в которой

выступает режиссером и актером. Значит, он чего-то хочет. Чего? Из всех здесь присутствующих только одна Таня с ним общалась, и общалась долго, только она более или менее знает его характер и стиль мышления. И только она может додуматься и ответить на вопрос: чего он хочет. Если мы это поймем, мы придумаем, как дать Горшкову то, чего он хочет, чтобы остановить его.

– Остановить или поймать? – зло прищурился Коротков. – Подруга, мы с тобой служим в карательных органах, а не в благотворительной организации. До появления трупа Старостенко мы еще имели бы право на то, чтобы его останавливать и на этом считать свою миссию исчерпанной. Но он уже показал, что умеет убивать, и занятием этим скорбным вовсе не гнушается. Посему не останавливать его мы должны, а искать, хватать за шкирку и тащить волоком в зону. Мы, Ася, сегодня говорим уже не о Шутнике, а об убийце.

Настя опустила голову, подперев лоб кулаками. Татьяне на миг показалось, что она сейчас заплачет, но, присмотревшись внимательнее, она увидела, что Каменская пытается спрятать улыбку. Через несколько секунд Настя подняла голову, и лицо ее снова было бесстрастным.

– Юрик, как быстро ты перестал быть опером и превратился в начальника. Это не в порядке критики, а исключительно в виде констатации факта. Как нормальный и высокопрофессиональный начальник ты ориентируешь подчиненных на максимальный результат: убийца должен быть пойман, доказательства его вины собраны. И в этом ты прав.

– А в чем же я не прав? – ехидно спросил Юра.

– А в том, солнце мое незаходящее, что, кроме наших максимальных задач, за решение которых мы получаем от государства оклад содержания, есть еще живые люди, которые ходят по улицам, едят, пьют, спят, любят, надеются на что-то, строят какие-то планы на будущее. И некоторые из них умрут исключительно из-за того, что этот наш Горшков чего-то такого захотел. Остренького, с приправами и соусом. Люди совершенно ни в чем не виноваты. И ты очень хорошо помнил об этом еще совсем недавно. Чтобы сберечь жизни этих людей, нам нужно понять, чего хочет Горшков. И фиг с ним, если мы его при этом не поймем, важно его остановить.

Татьяна была с этим согласна. Но, видит бог, совсем непросто понять, чего хочет человек, который одиннадцать лет назад хотел быть самцом, которого боится самка и которым она одновременно восхищается. Он получал удовольствие от того, что наводил ужас на невысоких хрупких девочек и женщин, он испытывал наслаждение, когда распахивал пальто и демонстрировал им предмет своей гордости, глядя прямо в их безумные от страха глаза. Горшков всегда выбирал в качестве своих жертв тех, кто был значительно ниже его ростом. А Надежда Старостенко тоже была маленькой и хрупкой...

– Он хочет первенства, но не за счет своей силы и реального превосходства, а за счет слабости других, – медленно сказала Татьяна. – Он всегда выбирал маленьких и слабых. Он всегда хотел, чтобы его боялись. И приходил в бешенство, когда встречал того, кто его не боится. Наверное, он просто избегал тех, кто мог его не испугаться. Отсюда и его поведение у меня на допросах. По комплекции я явно не относилась к тем, кто может испугаться его физических данных. И он старался меня смутить, потому что смущение – это признак слабости, это уже почти испуг. Если бы я тогда попросила передать дело другому следователю, Горшков расценил бы это как собственную победу. Он бы решил, что ему удалось меня запугать и я отступила. Все это прекрасно, ребятки, но это не ответ на ваш вопрос. Я не понимаю, чего он хочет сейчас.

– Того же самого, – пожал плечами Коротков. – Он хочет заставить тебя отступить, сдаться, признать свою слабость и беспомощность перед ним.

– И какой выход? Я готова сделать все, что угодно, только чтобы он больше никого не убил.

В ее голосе прозвучала такая горечь, что присутствующим стало не по себе. В самом деле, она сейчас готова была на все в полном смысле слова. Она готова была публично признать

свою слабость, если надо – перед всем честным народом, с экранов телевизоров, по радио – как угодно, только чтобы он услышал ее, только чтобы достучаться до него и заставить поверить: он победил, она сдалась, и не нужно больше смертей. Пусть ценой унижения, пусть ценой лжи, пусть ценой разрушенной репутации следователя и писателя. Она готова заплатить любую цену за то, чтобы остановить его. Не нужно крови. Ее не нужно вообще ни при каких условиях. А уж тем более для того, чтобы что-то кому-то доказать.

– Ну, что вы все замолчали? – нетерпеливо спросил Коротков на правах начальника. – Давайте идеи. Что Таня должна сделать, чтобы его остановить? Принимаются любые варианты.

Татьяна молча обводила глазами друзей-коллег. Идей ни у кого пока не было.

– Ладно, – Коротков со вздохом решил закончить совещание, – расходимся, спать пора. Я повезу Аську, а ты, Мишаня, проводи Татьяну. И проводи разъяснительную работу с ее мужем, пусть старается ее одну не отпускать.

– Юра, это нереально, – слабо сопротивлялась Татьяна, застегивая плащ, – Стасов не может быть при мне нянькой, у него своя работа и своя жизнь.

– А Ира? Как мы обеспечим ее безопасность? – спросила Настя.

– О ней не беспокойтесь, у нее есть личная охрана.

– Кто таков? – ревниво встрял Доценко. – Я попрошу, граждане! Мне уже сто лет обещали близкое знакомство с Ирочкой, а тут какой-то втерся...

– Это наш сосед, – успокаивающе сказала Татьяна, – человек пожилой, пенсионер. Тебе не конкурент, не волнуйся. Кстати, сегодня можешь и заглянуть к нам, повод есть.

Всю дорогу они говорили о чем угодно, только не о Горшкове, и лишь в лифте Татьяна наконец вернулась к тому, о чем не переставала думать.

– Я тебя умоляю, Миша, не пугай моих домашних. У них и без того нервы на пределе.

– Ты не права, – очень серьезно ответил Доценко, – человек должен знать правду и готовиться к худшему, только так он может справиться с ситуацией.

Татьяна уже достала ключи и поднесла руку к замку, но при этих словах остановилась.

– А ты не думаешь, что человек, знающий правду, просто с ума сойдет от ужаса, вместо того чтобы готовиться к худшему? У всех ведь по-разному нервная система устроена, некоторых негативная информация мобилизует, заставляет обдуманно действовать, а некоторым вообще разум отшибает.

Она хотела добавить еще кое-что, но в этот момент распахнулась дверь соседней квартиры и на пороге возник Андрей Тимофеевич. Рядом с ним тут же появился огромный черный дог по кличке Агат.

– Добрый вечер, – загудел он низким звучным голосом, – а я слышу – лифт остановился, но дверь в вашу квартиру не открывается, да и ко мне не звонят. Решил посмотреть, кто это на нашем этаже затаился. Я свое слово держу, вашу квартиру из-под наблюдения не выпускаю.

Татьяна перехватила взгляд Доценко, брошенный на соседа, и с трудом удержалась, чтобы не прыснуть. В этом взгляде было столько искреннего, смешанного с негодованием недоумения, сколько могло бы быть, если бы вдруг ни с того ни с сего твоя собственная собака начала мяукать.

– Не волнуйтесь, Андрей Тимофеевич, – сказала Татьяна, – просто я ключи долго в сумке искала. Вы же знаете...

– Уж конечно, – радостно подхватил сосед, – знаю я эти ваши дамские сумочки, знаю. С виду крохотные, непонятно, что вообще в них может поместиться, а на самом деле в них барахла – на чемодан хватит.

Татьяна отперла дверь и сделала приглашающий жест.

– Зайдете к нам, Андрей Тимофеевич?

– А я не помешаю? Гости у вас...

– Так тем более, – рассмеялась она. – Все равно ведь гости.

Ей вовсе не было весело, и улыбка ее была натужной, но Татьяне казалось, что чем больше народу сейчас соберется в ее квартире, тем меньше внимания будут обращать на нее саму. И никто, бог даст, не заметит ее растерянности и откровенного испуга. Если это действительно Александр Горшков, то впереди в ближайшее время ее ожидает только плохое. Он уже тогда, одиннадцать лет назад, был психом с претензиями. Но ему было всего восемнадцать, и претензии у него были глупые, юношеские. А теперь ему двадцать девять, и за спиной одиннадцать лет зоны с ее жестокими нравами и культом ЗЛА. Да нет, не в высоком библейском смысле ЗЛА как антипода ДОБРА, а в гораздо более приземленном. Эта аббревиатура – одна из самых распространенных, которые используются для наколок: За все Легавым Отомщу. Вот и Горшков надумал отомстить следователю, которая, по его представлениям, «обеспечила» ему срок. Просто удивительно, как хорошо работает у осужденных механизм самооправдания! Не он сам, своими собственными руками, своими собственными преступлениями обеспечил себе срок, а мент поганый, который его поймал, или злой дядька-следователь (иногда тетка, но сути это не меняет).

Стасова, уехавшего за сынишкой к своей матери, еще не было дома, и Татьяна с облегчением вздохнула. Сейчас Ирочка отвлечется на прием гостей и на знакомство с Мишей Доценко. Правда, остается сосед, который уже начал напрягать Татьяну своей пронизательностью, но сосед – это всего лишь сосед, его душевное состояние ее не особо волнует. Главное, чтобы не нервничали Стасов и Ирина.

СТАСОВ

Голоса были слышны еще на лестнице. Это что за концерт? Ну елки же с палками! Идешь домой после рабочего дня и после многотрудного общения сначала с маман, потом с бывшей супругой, но и в собственном гнезде нет ему покоя. Гришенька сладко посапывает у него на руках, но от этого громогласного веселья малыш может проснуться, и тогда начнется самый настоящий сумасшедший дом. Стасов торопливо проскользнул в ближайшую от входной двери комнату Ирочки, уложил сына и плотно притворил дверь, пока тот не проснулся. Потом, когда все разойдутся, они с Татьяной заберут Гришеньку к себе в комнату, где стоит его кровать.

Беглый обзор местности показал, что идет нешуточная борьба за Ирусика. С одной стороны стола восседает не кто иной, как Мишаня Доценко, самый завидный жених на Петровке по причине своей внешней привлекательности, умения одеваться и – что самое главное – полной и абсолютной неженатости. С другой стороны – их вездесущий и всезнающий соседусько Тимофеич-Котофеич, готовый продать душу и тело за Ируськины знаменитые пироги. Между готовыми к бою самцами покачивает переливающимися перышками славная девочка Ира, которую давно надо было выдавать замуж. Но тот момент, когда поклонников у Иришки было неслучайно, Татьяна благополучно упустила и не настояла на том, чтобы родственница сделала наконец свой выбор, а теперь с каждым месяцем проблема становилась все сложнее. Ира, во-первых, выросла (читай – старела), а во-вторых, все больше проникалась заботами семьи своих родственников, взваливала на себя все больше хлопот и домашних обязанностей, и постепенно мысль о том, чтобы бросить Татьяну, Стасова и маленького Гришеньку на произвол судьбы, то есть без хозяйственно-экономической опеки, становилась в ее глазах все более кощунственной. Они же пропадут без нее! И сами захиреют, и ребенка вырастить не смогут по-человечески.

Так, здесь расклад понятен. А Таня-то где? Плащ в прихожей висит, стало быть, она дома. Отчего же не с гостями?

– Але, люди добрые! – приветствовал их Стасов отнюдь не тихим голосом, однако заглушить хохот Котофеича ему не удалось.

По-видимому, соседушко развлекал общество сморщенными от старости анекдотами, над которыми сам же первый и смеялся. Во всяком случае, у Мишани на лице особого веселья не наблюдалось. Ируська при оценке анекдотов в расчет не принимается, она девочка вежливая, добросердечная и жалостливая, поэтому смеется всегда, когда рассказчик от нее этого ждет. Обидеть человека боится.

– Але! – повторил Стасов еще громче. – Или я здесь больше не живу?

– Ой, – спохватилась Ирочка, – Владик пришел.

– А где моя жена? Кажется, задавать этот вопрос становится доброй традицией. Я сегодня уже об этом спрашивал.

– Таня прилегла, у нее голова болит, – пояснила она и отчего-то покраснела.

Ясное дело, покраснела... Так увлеклась процессом общения с двумя ухажерами, что забыла обо всем. Ничего, это нормально, раз увлеклась, значит, не все еще потеряно, не совсем еще старая наша Ируська. Давно надо было ее с Мишаней познакомить, может, уже замуж выдали бы.

– Владислав Николаевич, голубчик, – обратился к нему сосед, – я настоятельно прошу вас убедить Ирину принять мою помощь. Весь сегодняшний день я пытаюсь внушить ей, что в сложившейся ситуации ей следует проявлять осторожность и бдительность, но она отмахивается от моих услуг. Объясните же ей, что я могу быть более чем полезен. Вы знаете, что произошло сегодня на рынке?

– В курсе, – кивнул Стасов.

Он-то в курсе, а вот то, что Котофеич этим озаботился, уж совсем неожиданно. Неужели сосед действительно является поклонником не Ируськиных пирогов, а ее внешних данных и душевных качеств? Вот старый козел! Ему ведь хорошо за шестьдесят, а туда же.

– Я полагаю, что Ирина не всегда может постоять за себя. Сегодня во время инцидента на рынке она явно растерялась и испугалась и чуть было не наделала глупостей. И теперь, когда над вашей семьей нависла опасность, ее нельзя оставлять одну с маленьким ребенком на весь день. Это просто неправильно.

Как излагает, однако! Прямо как по писаному. И чего он к нам прицепился? Других забот нет, что ли? Тимофеич-Котофеич.

– Андрей Тимофеевич, вы преувеличиваете, – широко улыбнулся Стасов. – Никакая опасность над нашей семьей не нависала. С чего вы это взяли? Подумаешь, псих какой-то пошутил, так что теперь, в бункере до самой смерти сидеть? Каждому сотруднику милиции периодически угрожают, нельзя же всерьез это воспринимать.

– Почему же, позвольте спросить?

– Да потому, что если бы все эти угрозы осуществлялись, то всех милиционеров поубивали бы, и личный состав МВД обновлялся бы полностью каждый год. Однако я вот, например, прослужил двадцать лет на оперативной работе и вышел на пенсию живым и здоровым. И таких, как я, подавляющее большинство. Так что спите, Андрей Тимофеевич, спокойно и за Ируську не беспокойтесь.

Сосед кинул на Стасова неодобрительный взгляд и укоризненно покачал головой.

– Я не разделяю вашего оптимизма, уважаемый. Кстати сказать, ваш молодой коллега со мной полностью согласен, не правда ли, Михаил Александрович?

Владислав рассердился не на шутку. В собственной квартире обнаружить пятую колонну! Мишаня, оказывается, с Котофеичем заодно. Ах, паршивец, ах, щенок неблагодарный, а они-то с Татьяной собирались торжественно вручить ему самое дорогое – Ируськину судьбу. Хрен ему теперь! Ничего, в его рядах Татьяна, а это сила немалая.

Стасов встал.

– Пойду проведаю Таню.

Татьяна, вопреки его ожиданиям, не лежала, а стояла у окна и даже не повернулась, когда муж вошел в спальню.

– Ну что там? Веселье в разгаре? – спросила она не оборачиваясь.

– А ты что, прячешься? Или в самом деле голова болит?

– Болит, но не смертельно. Не получают у меня хохоталки через силу. Вероятно, актриса из меня никакая. Решила отсидеться, чтобы не портить людям настроение. Где Гришенька?

– Спит. Я его в Ируськиной комнате уложил, чтобы мимо этого сборища не нести, а то проснется. Маман тебе кланяться велела.

– Спасибо. А что Доценко?

– Нормально. Глаз не сводит с нашей девочки.

– А Котофеич?

– А чего ему сделается? Ржет, как боевой конь. Травит протухшие байки из времен своей революционной юности. Тань, что случилось? Зачем ты ездила на Петровку?

Татьяна повернулась наконец, обняла мужа, уткнулась головой ему в плечо.

– Я вспомнила его, – тихо пробормотала она.

– Кого? Того, кто тебе угрожает?

– Да. Я его посадила много лет назад. А он мне тогда пообещал, что вернется и рассчитается со мной. Вот и вернулся. Стасов, он сумасшедший. Он на все способен. Я его боюсь. Он может даже на Гришеньку руку поднять.

Так. Приехали. Только-только все стало налаживаться, он перевез Татьяну и Иру из Питера в Москву, они наконец приобрели квартиру и перестали ютиться втроем в одной комнате. Таня так тяжело переносила беременность, часто возникала угроза сначала выкидыша, потом преждевременных родов, но она все-таки сумела это сделать, она родила нормального здорового парня. И Стасов уже думал, что все самое трудное позади. Ну елки же с палками, ну почему все так получается! Проклятая жизнь, подлая, мерзкая. Несправедливая.

Понятно, почему Мишка так серьезно относится к ситуации. Но старый-то козел Котофеич отчего так озаботился? Неужели Таня при нем это обсуждала? Откуда такое доверие к малознакомому, в сущности, соседу? Или Мишка, щенок, протрепался? Таня, Танечка, Танюша моя любимая, ну зачем ты работаешь? Денег тебе не хватает? Неправда. Я хорошо зарабатываю. Но ты сама зарабатываешь еще лучше. В этом году твои книги стали издавать за границей, выплатили большие авансы. И за русские издания ты получаешь приличные деньги. Зачем тебе эта работа, которая не приносит ничего, кроме огромных нервных затрат, колоссальных неприятностей и крошечного морального удовлетворения?

Он гладил жену по голове и молча разговаривал с ней. Потому что знал Татьяну слишком хорошо, чтобы сделать глупость и озвучить свои мысли.

– Что будем делать? Есть предложения?

Это было единственное, что Стасов мог позволить себе спросить вслух.

– Будем думать, как его остановить. Он уже убил одного человека, не приведи господь, убьет второго, третьего. И все для того, чтобы доказать, что он сильнее меня. Знаешь, мне иногда кажется, что вокруг меня не жизнь, а какой-то сюр. Страшный сон, безумный кошмар, полное отсутствие смысла и логики. И в центре всего этого бреда почему-то стою я. Почему так, Стасов?

Почему-почему... По кочану. И по капусте. Не родился еще человек на свете, которому хоть раз в жизни не показалось бы, что мир вокруг утратил черты реальности. И это не от расстройства психики, а исключительно от неудачного стечения жизненных обстоятельств. Например, у мужика катастрофический провал на работе, лучший друг предал, мать тяжело больна и умирает, сын от первого брака стал наркоманом, бывшая жена на этой почве звонит ему каждый день и требует, чтобы он хоть как-то помог, хоть что-нибудь сделал, и на фоне

всех этих расчудесных обстоятельств новая жена, ослепительно молодая и красивая, надувает губки и гордо произносит: мы разные люди, ты совершенно не уделяешь мне внимания и не живешь моими интересами, вот я сделала новую прическу, а ты даже не заметил, и на этой конфликтной почве я решила тебя бросить и уйти к другому, который любит меня больше, чем противный ты. Вот это и называется «сюр». Все люди в тот или иной момент жизни через это проходят. Но такой аргумент – слабое утешение. Все – это все, а ты – это лично ты, это все-таки нечто иное.

Психологи давно заметили, что в стрессовые моменты разум человека старается отключиться от страшного и плохого, чтобы не разрушиться, чтобы сохраниться. Человеку сообщают, что он неизлечимо болен, а он уставится неподвижным взглядом на муху, ползающую по окну, и внимательно так наблюдает за ее телодвижениями, еще и угадать пытается, в какую сторону она дальше поползет. Вот и Стасов теперь стоит в темной спальне, обняв замершую от боли и страха жену, и думает о том, что сегодня он пообещал своей одиннадцатилетней дочери Лиле купить котенка. Лиля с матерью, бывшей женой Стасова, живет в Сокольниках, часто по выходным гуляет в парке, а там каждую субботу и воскресенье проходит выставка кошек. Лиле заходила на выставку несколько раз и высмотрела себе породу. Она хочет персидского колор-пойнта. Что это такое и как оно выглядит, Стасов совершенно не представлял, но глазки у дочери так горели, что отказать он не мог. Да и Ритка, бывшая жена, не возражает против котенка. Договорились, что в ближайшую субботу он с Лилей пойдет на выставку и заплатит за то, что она выберет. К появлению в доме питомца нужно будет приобрести лоток и наполнитель для кошачьего туалета и специальные мисочки для воды и корма, но эти хлопоты Лиле с радостью взяла на себя. Их семье угрожает какой-то псих, его жертвой может стать любой, даже годовалый сынишка, и нужно думать о том, как занять круговую оборону, чтобы защититься от него, а в субботу идти с Лилей покупать котенка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.